СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Алекс Сигал

Будем жить!

Алекс Сигал

Жругр. Будем жить!

«Автор»
2026

Сигал А.

Жругр. Будем жить! / А. Сигал — «Автор», 2026

Уицраоры государств-цивилизаций борются за судьбы мира, прорывая тонкую ткань реальности. Они манипулируют сознанием народов и играют людьми как пешками. Но судьбы империй могут зависеть от воли маленького человека. Простому питерскому парню Саше предстоит сделать роковой выбор. А это сложно в мире, в котором любовь, политика и древние тайны переплетены неразрывно.Кто управляет противостоянием и почему никто не повернет назад раскрывает роман Алекса Сигала Жругр. Будем жить!

© Сигал А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Жругр. Будем жить! 5
С другой стороны 6
Любовь зла 7
Шествие «Справедливости» 8
Чрезвычайное происшествие 12
О том, как каждый может обидеть невинную девушку 14
О пользе учебы 18
О том, как Саша оттягивался в клубе 20
Американец 24
О последнем бастионе 31
Дефолт 33
Битва на мосту 34
О том, что мысли бывают материальны 38
Мужчины с Марса, женщины с Венеры. 41
Две тонны сексизма 46
Об отечественном кинематографе 49
52
О тайной комнате и непредсказуемом женском характере 59
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Алекс Сигал
Жругр. Будем жить!

Жругр. Будем жить!

Иллюстрации Нестора Поварнина.
Посвящается Даниилу Андрееву.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Александр Блок

Все персонажи романа являются художественным вымыслом автора. Сходства с реальными людьми или персонажами являются нежданно-негаданным совпадением.

С другой стороны

В отрочестве Саша увлекся Америкой до Конкисты. Пирамиды, Теночтитлан, Уицилопочтли, Камень Солнца, вот это все. Больше всего его поразила ацтекская игра в мяч, тлачтли или футбол по-месоамерикански. Суть ее проста и жестока: в длинном и узком каменном коридоре игроки бегают за тяжеленным каучуковым мячом размером с человеческую голову, стараясь удержать его внутри поля. Приз победителя – бытие, наказание проигравшего – стать жертвой богам. Саша долго думал о смысле этой игры. Но только переехав в Питер, он понял – чтобы выиграть в лотерее, на кон надо поставить все. Благополучие. Комфорт. Саму жизнь. Или ты выигрываешь и пьешь шампанское, или мятым свертком катишься со стены храма Тонатиу с вырванным на закате сердцем.

Любовь зла

Свою девушку Саша любовно называл Симой. Серафима, до костей худая брюнетка с ногами от ушей, работала младшим менеджером отдела обслуживания корпоративных клиентов в банке «ГрандКредит», в котором Сашина фирма «Суперкласс» проводила свой коронный тренинг «Лидерство и управление мотивацией персонала для успешной работы с клиентами малого и среднего бизнеса». В прошлом Серафима была моделью. Она завязала по состоянию здоровья, но одевалась так, будто не сходила с подиума. Когда она, после ста комплиментов в личку, трех королевских букетов, доставленных на домашний адрес и лично врученной к Новому году броши «Сваровски» в форме распускающейся розы, согласилась на свидание, Саша был без ума от радости. Когда она, склонившись над сияющей Исаакиевской площадью и манерно изогнувшись, отдалась ему в тесном номере четвёртого этажа гостиницы «Англетер», той самой, где наложил на себя руки Есенин, Саша решил, что сорвал главный приз в лотерее своей жизни. Но когда эта роковая красотка на целую неделю включила игнор, Саша чуть не рехнулся. На звонки девушка не отвечала, хотя себяшки в ее инсте обновлялись с завидной регулярностью. Последнее свидание вышло, и вправду, неудачным: он пришел уставший, не заметил ее новую стрижку, проигнорировал поломанный ноготь и, вишенкой на торте, они поссорились из-за пиццы! Сима, не на шутку увлекшаяся ЗОЖ, настаивала на чисто веганском варианте, и Саша неудачно пошутил, что так она ненароком превратится в корову. Это было опрометчиво! Саша послал 300 извинений в sms, spacefs, facelook, hells'book, vkontakte, telesram, tupitam и отправил картинку с разбитым сердечком на e-mail, но бесполезно. Королева льда молчала. Работать сегодня решительно не хотелось. Хотелось снова позвонить Симе.

Шествие «Справедливости»

Саша вернул взгляд на айфон: модель предпоследняя, куплен в кредит, но какой симпатичный! Он снова утонул в ленте соцсети. Саша не представлял жизни без интернета. В любую свободную минутку он лез туда проверить как дела, нет ли новых сообщений, что стряслось в мире за те несколько минут, что он отсутствовал. Если сеть ненадолго вырубалась, он чувствовал себя осиротевшим. Наличие же быстрой и стабильной связи подтверждало незыблемость бытия и надежность существования.

– Эй, видел новый ролик Князева? – отвлек Сашу Олег, его коллега-менеджер.

– Нет, что там? – Саша подошел к приятелю.

Растущий на экране график отображал состояние Кременчука-старшего – друга президента и одного из основных получателей бюджетных подрядов на ударные стройки. Компании, подконтрольные олигарху, выиграли новый тендер на 50 миллиардов рублей. На прошлом национальном проекте, также выполнявшемся Кременчуком, хищения составили до 24 миллиардов рублей! Слоган в конце ролика гласил: «Пока вы худеете, Кременчук жиреет!»

– Они доиграются! – возмутился Саша.

– Доиграются и очень скоро, – прокартавил Олег.

– Видимо, думают здесь их вотчина?

– Так оно и есть. А мы в ней крепостные! Кстати, позавчера Князева снова арестовывали.

– Зачем?

– Наверное, чтобы волнения прекратить.

– Так у нас и не было никаких волнений.

– Так то у нас. А в Москве были. Да и у нас «Справедливость» организовала небольшую демонстрацию.

– Монстрацию? Это в Новосибирске монстрация.

– В Сибири монстры! А у нас шествие по Невскому.

– Про монстров не надо, пожалуйста, я сам оттуда! Да и у нас шествие скромное – два с половиной человека.

– Ну и что? Я вот сходил и даже волонтерскую анкету заполнил. Тоже дело.

– Кому дело? Какое дело? – отозвалась Леночка, хорошенькая стройная девочка с темными выразительными глазами и по-семитски вьющимися волосами. Она уже обзвонила своих клиентов и шепталась с Лариской, своей лучшей подружкой: «А, Маринка-то, шалава, с последнего корпоратива уехала с Алексеем Викторовичем на его тачке. А мне говорила, что в Тай собирается. Въезжаешь?»

– Никому ни до чего нет дела! Не мешайте работать! – Саша вернулся на место и принялся заносить лиды в CRM.

– А я вчера из Финки вернулась! – проигнорировала просьбу Леночка.

– И как там? – сразу оторвался от монитора Саша.

– Ну как, прикольно, конечно. Евросоюз, Европа рядом.

– Да уж… и у нас вроде как рядом… но почему-то далековато.

– До Евросоюза? Как до луны! Нас туда никогда не пустят.

– Почему? – закричала со своего места у окна Елизавета, производственный менеджер, оторвавшись от «Контактика».

– А ты посмотри, кто у нас у власти? Воры, коррупционеры и взяточники! Таких не берут в космонавты, – встрял Олег.

– В этой стране всегда так было и будет! Нечего здесь ждать, – резюмировал разговор Саша. А про себя подумал: «Может мне тоже в «Справедливость» записаться?»

Коллеги грустно замолчали.

– Ладно, – махнула Лена, – работать надо! Ты с «Проминвестом» связывался? – поинтересовалась она у Саши.

– Связывался.

– И как они?

– Все думают.

– Думают, думают… Что тут думать? Брать надо! – рассмеялась девушка, – Я попытаю счастья… – она щелкнула по миниатюрной иконке телефона внизу экрана.

Чрезвычайное происшествие

Неожиданно лампы дневного освещения под потолком дважды моргнули и погасли. Запищали проснувшиеся UPS. Леночка дважды кликнула по номеру, но зуммера не было. Наушники прикидывались мертвым куском пластмассы.

– АТСка сдохла! – пропищала жалобно.

– Надо срочно сообщить Алексею Викторовичу! Он им устроит веселую жизнь! – утешил девушку Саша и достал мобильный.

Тот тоже помолчал, а затем разразился коротким пиканьем.

– Позвони ты, у меня не ловит! – попросил Саша Леночку.

Но ни у нее, ни у кого-либо из коллег телефон не брал сеть. По Сашиной коже пробежал холодок: «Так оно обычно и начинается в голливудских фильмах… Надо проверить в интернете причину сбоя…». Но компьютер вначале завис, а после выдал ошибку 403. Подвис и смарт.

– Чертовщина какая-то! – возмутился Саша.

– Что же мы будем делать? – жалобно прохныкала Леночка. – Я боюсь!

Саша вышел в коридор. Там тоже не было света, растерянные офисные клерки ходили от двери к двери, колдуя над своими бесполезными гаджетами, бессмысленно тыкая в них подушечками пальцев, стуча ими по стенам в безнадежной попытке реанимировать их или получить хотя бы толику информации, глоток надежды. Девушка в накрахмаленной синей рубашке, еле сходящейся на высокой груди, тяжело осела на подоконник.

– Мамочки, что ж творится-то! – запричитала она. – Нехорошо мне, вызовите «скорую»!

Саша набрал «112», но сразу понял – ничего не получится, связи нет! Он попробовал вызвать лифт – кнопка не зажигалась. Саша ураганом просвистел вниз по лестнице и выбежал на 9-ю линию Васильевского острова.

Там уже вовсю веселился бог-беспредел: светофоры не работали, носились потерявшие берега тачки, одни люди бродили наперекосяк, а другие жались к стенам домов, растерянно оглядываясь.

Вдруг из неведомых, укрытых на опорах ЛЭП и под кровлями зданий, динамиков истерично завыла сирена и зазвучал громкий, механический, искаженный временем и ржавой мембраной голос Левитана:

«Ядерная тревога, ядерная тревога! Всем гражданам надеть средства индивидуальной защиты и срочно зайти в ближайшее бомбоубежище или спрятаться на станциях метрополитена!»

Город охватила паника. Народ рванул к метро, и Саша побежал вместе со всеми. У стоящего на возвышении входа на станцию «Василеостровская» уже собралась внушительная толпа. Народ крушил стеклянные двери. Пока одни просачивались внутрь, другие напирали снизу. Кто-то не выдержал напора, оступился и упал, и по нему сразу побежали другие штурмующие. Люди ломились, ломались и погибали под тяжестью сотен ботинок, туфель, сапог, босых ног и осатаневших от жажды жизни тел. Повсеместно стояли крик и ор, у входа в «Макдоналдс» какой-то мужик насиловал девушку, но никто и не думал вмешаться. Каждый был занят своей жизнью, своим спасением по извечному принципу «run for your life». Осознав, что при попытке пробиться в метро его скорее всего затопчут, Саша поднял голову вверх: не валится ли уже оттуда, с небесных высот, компактный энергетический сгусток, намеревающийся сжечь его, ее, их и всех в термоядерном синтезе. И окоченел: на сером петербургском небе кислотно-радужной вьюгой разверзлось полярное сияние, сквозь которое явственно просвечивала ухмыляющаяся тигриная морда, увенчанная острым светящимся конусом. Но она недолго лыбилась: флуоресцентные облака сгустились и материализовались в монструозных

размеров спрута, который нанес тигру мощный удар своим гибким щупальцем. Саша замер, очарованный сверхъестественной красотой происходящего. Сразу после этого небо расчистилось и приобрело обычный мутно-серый петербургский оттенок. Галлюцинация испарилась, как не было. И только громкоговоритель, надрываясь, рычал:

«Ядерная тревога, ядерная тревога!…»

О том, как каждый может обидеть невинную девушку

Блядь! Еще один клиент! Респектабельный полный господин суетливо снял пальто, стянул рубашку, бросив ее на стул, снял носки, уронив их на пол, и, стащив брюки, остался в белье. Тело его, еще недавно важное и напыщенное, сразу приняло вид раздутого мешка с дерьмом – пузо неопрятно свисало над кальсонами, толстые ляжки неуклюже стояли на полу. Он застыл, словно в удивлении.

– Ну что, стоите, раздевайтесь. В душ пойдете? – бархатистым голосом произнесла девушка, пытаясь скрыть раздражение.

– Нет, – хмуро рявкнул тот.

– Вам обязательно надо сходить в душ, – настаивала она.

– Но я недавно мылся!

– Пожалуйста, все равно сходите.

– Зачем, я же чистый?

– Тогда я не смогу доставить вам удовольствие, – отрезала.

Клиент разочарованно вздохнул.

– Куда идти?

– Я вас проведу.

Отправив мужика мыться и вручив ему полотенце, она вернулась в комнату и проверила реквизит: смазка, презервативы, влажные салфетки – все на месте. Присев на край кровати она устало вздохнула – какой бесконечный день! Этот сегодня уже девятый по счету!

Клиент вернулся быстро, одетый так же, как раньше, будто и не раздевался вовсе. Впрочем, выглядел он мокрым, с него стекала вода, и оттого он еще более стал похож на рахитичного гуся со сгнившей печенью, перед забоем.

– Я сейчас, – девушка вышла, закрыв за собой дверь.

Когда, через несколько минут, она вернулась, обернутая в полотенце – мужчина все еще раскорячившись смотрел в окно.

«Странный типчик», – подумала.

– Ну что ты, давай я тебе помогу, – она аккуратно сняла с него исподнее. Из штанов сарделькой вывалился толстый, но короткий член, совсем не напоминавший об эрекции. Он не очень приятно пах. «Видимо не мыл». Преодолев секундное отвращение, девушка взяла его в рот и облизнула головку.

– Ляг, я хочу тебе вставить! – громогласно объявил господин, как только его орган принял соответствующую предмету форму.

– Хм… ну давай, – она ухмыльнулась, легла на спину, широко раздвинула ноги.

Он навалился на нее как небольшой гиппопотам, застыл на мгновение и стал потихоньку двигаться. Вначале в глазах его отражался неуверенный вопрос, но после первого десятка фрикций клиент разгорячился. Его инструмент ощутимо увеличился в размерах, движения ускорились, дыхание участилось. Девушка натужно подмахивала и подохивала в ритм. Но дальше что-то пошло не так. Мужчина властно положил руку ей на шею и легко надавил по центру, туда где у мужчин обычно находится кадык, а у женщин – просто впадина. Сначала она не противилась, надеясь, что тот быстро кончит и ослабит хватку. Дышать становилось все сложнее, самец все сильнее сдавливал горло, вбивая в нее свой окрепший отросток. Он окончательно замкнулся в себе: взгляд его помутнел, в нем зажегся мрачный дьявольский огонек, зрачки набухли и расширились, движения стали механичными. На миг ей показалось, что не мужчина трахает ее, а сорвавшийся с программы гуманоид, и сейчас он раздавит ее хрупкую, лебяжью шейку. И тогда ей стало по-настоящему страшно.

«Маньяк!» – поняла она. Резким разворотом девушка попыталась вывернуться, вылезти из-под него, но тот держал крепко, игнорируя ее потуги. В ней проснулась ярость. Незнакомая доселе энергия змейкой поднималась по позвонкам, проскользнула вдоль шеи, прошла сквозь мозг и вышла через глаза. Ее зрачки сузились, сетчатка разошлась красными фракталами и из них заструился тонкий направленный луч. Маньяк остановился. Воспользовавшись моментом девушка разом вырвалась, сбросила с себя стокилограмовую тушу обезумевшего клиента, при этом чуть не поломав ему хер, и бросилась к двери. Тот зарычал, бросился за ней, пытаясь остановить ее или ударить, но она уже бежала в костюме Евы по коридору с криком «Охрана!»

Вскоре все было кончено. Дурной дядька без панталон был спущен с лестницы, а она стояла возле открытого окна и курила, медленно успокаивая дыхание, глядя на покатые крыши домов, пустые брандмауэры, торчащие прямоугольные трубы и черный дым Петербурга, изрыгаемый из неизвестных топок. Все окна в городе были темные, но девушка не обратила на это внимание.

О пользе учебы

Саша Литвинов – менеджер. Говоря по-русски – продавец. Чем именно Саша менеджерит кроме базы, кровавыми мозолями на языке наработанных, клиентов остается тайной для всех, в том числе для него самого. Но главное – он продает. Что же он продает? Да что угодно! До последнего года, до тех самых пор, как он устроился работать в контору на Ваське, чего он только не продавал – системы управления климатом, гибридные роботы-пылесосы с вайфаем, прорывные технологии управления психикой с помощью гамма-волн, эспандеры для накачки мышц спины, массажеры для автомобильных кресел (ты ведешь автомобиль, а тебе массаж делают – профит!), салфетки-вкладыши для защиты от пота под мышками, шприцы инсулиновые, пиджаки малиновые, изделия шиномонтажные резиновые и еще много всякой полезной и нужной всячины, – пока не пришел к пониманию, что самое стоящее дело – продавать не материальные товары, а товары невидимые. Навыки. Методологии. Стремления. Довольство жизнью. Счастье, в конце концов. Воздух. Купите воздуха, два глотка, недорого!

Саше 30 лет, рост средний, чисто выбрит, он носит короткую стрижку на русых славянских волосах, а его светлые голубые глаза офисного хомяка излучают оптимизм. Он уверен, что у него все круто! К своему возрасту он вполне прилично зарабатывает, на хату еще не собрал, но на цацки хватает. Саша считает себя «self-made man», сносно спичит по-английски, носит брендовые шмотки и не расстается со своим айфоном. Одно хреново – с государством не повезло. Эх, жил бы он где-нибудь в Калифорнии..

В детстве его считали застенчивым ребенком, говорили, что похож на мать, бесцветную техничку с отцовской фабрики, но со временем в нем стали проявляться черты отца – деловитость, решительность, целеустремленность. Его отец Сергей, директор крупного предприятия, многого добился в жизни, но после развала Союза с треском проиграл борьбу за подведомственный ему сталелитейный завод, так что уже к 93-му году тот был распилен и сдан в утиль – он так и не нашел что противопоставить районным бандитам с АК-47 и боевыми гранатами. Окончательно разорившись на акциях «СтройМонтажБанка» в 98-м году, отец предпочел добровольно уйти из жизни: ранним утром мать нашла его на кухне, в петле. Тогда Саша понял, что самое главное в жизни – бабло. Саша знает – когда-нибудь он точно станет олигархом, но с чего-то нужно начинать. А для этого нужно учиться продажам, чтобы одним ярким, солнцем залитым днем заключить главную сделку жизни.

Отец от души ненавидел Горбачева, Ельцина и прочую братию, развалившую СССР, но еще больше завидовал тем, кто после развала сумел удержать и умножить накопленное. Искренне желая сыну успеха, он одарил Сашу парой незашкваренных советов:

– Самое дорогое, что у тебя есть, – родина, сынок! Поэтому родину нужно продать за дорого, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы!

И еще:

– Главное сынок – учиться! Учиться, учиться и учиться, – так завещал дедушка Ленин.

И Саша учился. Учился торговать и продавать и продаваться. Он уверен, что он лучший продавец в офисе! Он знает, как продать черта лысого черту волосатому. Эта поговорка про чертей – расхожая присказка в тренинговой компании «Суперкласс», где Саша реализует свои способности после переезда в город на Неве. Но продавать чертей скучно, эти рогатые парнокопытные давно потеряли маркетинговую привлекательность, сегодня их и даром никому не впаришь, поэтому Саша специализируется на тренингах по продажам. Саша продает умение продавать, и знаете – многие покупают. Продают ли они от этого лучше, неизвестно, но деньги платят немалые, фирма цветет, пахнет, сеет доброе и вечное, растет и растит вечно молодой, как Ленин, и вечно пьяный российский капитализм, воспитывая у населения, выкорчеванные в 17-м году продажные в разных смыслах навыки.

Саша взглянул на изображение Мальчиша-Плохиша висящее над столом. Со ртом битком набитым печеньем и с банками варенья в обеих руках тот радостно лыбился. «Лучше быть Плохишом с вареньем, чем Кибальчишом на виселице,» – размышлял Саша, разглядывая толстощекого мальчишку и представляя себя на вилле в Монако, с бокалом «Вдовы Клико» в правой руке, сигарой в левой, модельная телочка делает массаж ступней, как в том сериале..

Саша знает, в будущем он перестанет быть менеджером-лохом, прекратит названивать незнакомым людям с нецензурными предложениями и сам станет тренером. Руководителем. Владельцем компании. Давно и успешно продающим человеком. В костюме-тройке от «Армани» и галстуке «Гермес» зайдет он в класс, презрительным взглядом окидывая фраеров за партами.

«Доброе утро! – выбросит он заряд позитива (обычно тренинги начинаются утром, не так ли?) – Итак, кто из вас считает, что умеет продавать?»

Два человека потянут вверх свои вялые ручонки.

«Все что вы умеете, это разводить лохов на коробку спичек! Сейчас я вам расскажу, как следует продавать – по-научному!» – энергично и напористо заявит Александр Сергеевич и начнет свой тренинг, бессмысленный и беспощадный. Во всяком случае, именно так ведет себя Алексей Викторович Йоффе – главный тренер и основатель их уютной компании, не крупней «Газпрома», но в «Газпроме» тренинги уже вела, Саша сам набирал. И мечта Сашина на глазах становится ближе, как небо в песне у Гребенщикова.

В офис неслышно зашел самодовольный человечек с лицом постаревшего отличника.

«Алексей Викторович!» – Саша немедленно уткнулся в монитор.

Босс лоснился улыбкой. В этом году он уже успел жениться, развестись и слетать в Таиланд на два месяца. Он удовлетворенно осмотрел помещение, напоминавшее улей в разгар полового размножения цветочных растений, проверил проплешину на голове и назидательно поощрил коллектив: «Молодцы, ребятки, молодцы, только вот бардак разводить тут не надо. Леночка, уберись на столе! Саша, принеси мне в офис отчет за вчерашний день, когда освободишься».

– Обязательно, Алексей Викторович, – кивнул Саша, не отрываясь от компьютера.

Вскоре он уже стоял перед боссом с кипой рассыпающихся между пальцев листов. Из динамиков блеял мотивчик про виноградную косточку. Сашино чувство прекрасного поморщилось.

– Саша, – строго начал Алексей Викторович, – сегодня понедельник. Ты, разумеется, помнишь о своих «дополнительных обязанностях»? Так вот, сегодня самое время! И не забудь упомянуть о моем блестящем выступлении на конференции!

– Есть, Алексей Викторович! Будет сделано!

– Я полагаюсь на тебя, Саша, ты мой лучший сотрудник. Поэтому я и доверил тебе эту работу. Если пост соберет больше 50 лайков – на следующем тренинге будешь помощником тренера!

Саша просиял. Помощник тренера – это круто! Все будет тип-топ, уж он-то босса не подведет. Их маленький секрет заключался в том, что помимо основной занятости Саша халтурил для босса копирайтером. Работа эта была тайной, никто не должен был знать кто на самом деле является автором постов, возникающих на странице великого бизнес-тренера Алексея Йоффе! Вернувшись на рабочее место Саша сходу накатал пост:

«Что делать в понедельник утром? Конечно, ехать проводить тренинг по продажам! Как хорошо, что я успел перекинуться парой идей с коллегами, пребывающими в восторге от моей презентации на субботней конференции «Продай или умри». Грядут новые проекты! Особое спасибо Наташе Мартинян и другим организаторам. Люблю свою работу!»

О том, как Саша оттягивался в клубе

Субботний вечер. И вот опять
Я собираюсь пойти потанцевать.
Я надеваю штиблеты и галстук-шнурок
И запираю свою дверь на висячий замок…

Снова и снова играла в голове древняя рок-песня при непосредственном приближении вечера пятницы – праздничного дня офисных работников. «Вечер не обещает быть томным,» – обрадовался Саша, обнаружив на вибрирующем гаджете ухмыляющуюся рожу Скифа. Бонвиван и гуляка Скиф любил ударно выпить, хорошо развлечься, снять телок и отдохнуть с ними на хате. Звонил он обычно с предложением.

– Саша, как ты? Выпьем сегодня? – загремел в трубке звучный бас.

– С удовольствием! – признался Саша, изрядно утомленный бесконечной чередой клиентов, тренингов и продаж. К концу недели ему уже не хотелось ничего продавать, хотелось покупать – алкоголь, веселье, счастье. Друзья договорились встретиться вскоре возле бара на Думской и Саша поспешил на выход, чтобы поскорее перестать видеть озабоченные и осточертевшие рожи любимых коллег.

На выходе из метро его аплодисментами приветствовала группка людей, образовавшая живой коридор. Они с наигранной веселостью хлопали в ладоши и кричали «Добрый вечер!» «Жизнерадостные шизики!» – удивился Саша, поворачивая налево, в аркаду колонн Гостиного двора. Под ногами хлюпала морозная слякоть, извечный питерский дождь размывал рассеянную в воздухе токсичную аэрозоль из выхлопных и угарных газов, а хмурое идеально серое пластиковое небо висело так низко, что не оставляло лучам солнца ни единого шанса. У дверей бара Саша не нашел друга. Какой-то парень с разбитой губой валялся в луже неподалеку от входа, его поочередно хлопала по обеим щекам ярко накрашенная девица в шерстяных фиолетовых колготках с рассыпающимися цветными брызгами на голове. Скифа нигде не было. Саша загляделся на девушку. Внезапно тяжелая рука накрыла его плечо.

– Скиф! – обернулся Саша. – Вот леший! Как снег на голову. Как у тебя так получается?

– Элементарно, Ватсон! – парировал Скиф. – Я просто не торможу посреди дороги, разглядывая посторонних самок.

Со Скифом Саша познакомился лет пять назад в «Койот-баре» – тот, бухой в зюзю, просвистев по пьяной лавочке кошелек, бегал по клубу и просил у незнакомых людей одолжить денег. Естественно, был последовательно посылаем сеять доброе и вечное квадратно-гнездовым способом. Однако Саше, его растрепанная шевелюра и красный галстук поверх ямайской рубашки внушили подспудное доверие, ну не может такой весельчак быть банальным разводилой! – что он без колебаний вынул из кошелька недавнюю получку. Вместе с деньгами, возвращенными на следующий день, Саша в довесок получил друга.

Пройдя через линию (Маннергейма) фейсконтроля, друзья вклинились в ароматную толпу. Мужчины, женщины, пухлые и худосочные, мясо, лимфа и кровь терлись друг об друга в клубящемся чаду разноцветных огней. Казалось их вообще ничего не беспокоило: ни дефолт, ни атака, ни другие непорядки последних дней. Решил забить и Саша.

– «Еще мартини?» – пошутил Скиф.

– Нет, «белый русский», – на полном серьезе ответил Саша.

– Тогда я черный.

Миниатюрная барменша, с торчащими сквозь синтетическую белизну сосками, неуловимо мелькала между бутылок. Еще через четверть часа друзьям, наконец, удалось обратить на себя ее внимание.

– За встречу!

– За жизнь!

– За нас!

– Знаешь, в чем отличие русской феминистки от западной? – начал свои обычные приколы Скиф. – Русская феминистка желает от мужчины получать, но не хочет давать. Ты приглашаешь ее на курорт, оплачиваешь ресторан, билеты и гостиницу, и когда вы уже лежите в бунгало под балдахином, она тебе сообщает: прости, дорогой, я еще не готова к близости! Давай лучше съездим в Диснейленд! Западная же феминистка платит в ресторане из собственного кармана, а потом сама тебя приглашает: «Знаешь, что я решила? Пойдем трахаться! Но вначале, будь добр, подпиши договорчик – с тебя три оргазма, два куннилингуса, и чтоб никаких миссионерских и собачьих поз! Ты читаешь договор, а там мелкими буквами приписано: невыполнение условий договора приравнивается к изнасилованию».

– Хахаха, – засмеялся Саша, поднимая бокал. – За баб!

– За русских баб!

Они взяли еще. На этот раз Саша пил «черный русский», а Скиф белый.

– У меня много баб было, – хвастался Скиф, – так вот я тебе как на кресте, ну, или на магендовиде, скажу – русские бабы самые лучшие! Знаешь, говорят, что русская народная душа – женщина! Так вот, я бы не отказался ее трахнуть! Она ж, поди, сладкая, русская душа-то!

– А теперь – за бизнес! – предложил Скиф. – У меня намечается проект на сотни лимонов. Как заведется – будешь работать со мной. Сможешь бросить свой унылый офис, перестать продавать чертей и начать загребать реальные баблосы.

Друзья выпили. В следующий раз, когда Саша осмотрелся, цветные пятна уже носились как сумасшедшие по комнате, описывая сферические круги. Пол, потолок, сцена – все помещение вертелось, переворачиваясь с ног на голову. «Кажется, я пьян», – осознал Саша и громко произнес:

– Кажется, я пьян!

Только жесткий музыкальный бит и шум толпы отозвались в ответ. Он обернулся – друга не было. «Наверное, пошел отлить», – решил Саша и отправился, выписывая вензеля, к дребезжащему от басов танцполу.

На танцполе был аншлаг. Плотная масса людей содрогалась мясистым студнем. Брюнетки и блондинки били тяжелой артиллерией духов и пота. Их заманчивые тела с колыхающимися грудями, животами, попами соблазнительно дергались в ритмичном буги-вуги. Парни остервенело крутили мускулами, девушки – прелестями. Немного потанцевав, Саша почувствовал усталость и отчуждение от «потных и мокрых рыл» и шаг за шагом стал пробиваться к стеночке, к стеночке, подальше от орущих динамиков.

Там он ее и заметил.

Еле заметной тенью она стояла возле кирпичной стены клуба, куда свет софитов практически не доставал, и смотрела в себя. Черный топик и белая короткая юбка облегали тонкую девичью фигуру, копна роскошных рыжих волос водопадом стекала по груди, а длинная челка свисала над огромными, безразлично расфокусированными глазами, не замечающими ни мелькающих огней, ни скачущих в безудержном экстазе людей, ни сосредоточенно разглядывающего ее парня. Она отчетливо выступала из общей массы – нет, не внешним видом, вполне заурядным по нашим временам, а глыбой молчания и тишины, нависшей над ней. Саша понял – это она, та девушка, от которой сердце испуганно замирает. Саша сразу ее узнал.

Для Саши существовало три категории женщин: женщины-человеки, годящиеся в подружки-собеседницы, женщины-однодневки, годные для одноразового секса, приятно греющего самолюбие; и еще были они – нимфы, девушки-небожительницы, понуждавшие сердце ускорить темп, а сознание – затмиться сладкими грезами. В последних Саша влюблялся. Без памяти. Без остатка. Без ума. Их видно было сразу – по огромным глазам, наполненным не

понятным никому, включая их самих, смыслом. Что это был за смысл, Саша объяснить не мог, но чуял его безошибочно, за версту. К сожалению, заканчивались такие любовные истории болью и разочарованием, но разве не в этом заключается смысл любви – в трагедии? Впрочем, Саша оставался неутомимым оптимистом и всегда надеялся на чудо. Как же иначе?

Вот и сейчас, при виде девушки с кротким взором, устремленным внутрь, одиноко прислонившейся к стене, Сашино сердце сжалось и подало упреждающий сигнал – осторожно, опасность! Так бывает в жизни – идешь ли на работу, тусишь или танцуешь и вдруг мелькнет такая нимфа, что сердце падает. И всегда это случается неожиданно – Саша уже намеревался ехать домой смотреть футбол и, если бы не этот неутомимый тусовщик Скиф, так и не оказался здесь этой ночью.

Хотелось подойти к девушке, но еще более кололось. К горлу комом подступал тот извечный страх контакта с желанным, но непредсказуемым и оттого еще более опасным, человеческим существом. Шестое чувство нашептывало: это она. Сейчас. Надо. К ней. Подойти. Заговорить. Познакомиться. Сыграть в тлачтли. Пан или пропал. И сразу в голову лезли тысяча и одна отговорка – не больно-то и хотелось! Не особо-то и надо! Наверняка она тут с другом, и вообще зачем я ей сдался… Наверное, не стоит с ней знакомиться… наверное, а может всё же.. а вдруг пронесет, авось пронесет! Не пронесло. Позже стоя на веранде с сигаретой в зубах, осматриваясь в поисках огня, он уткнулся взглядом прямо в нее: она стояла в полутора метрах справа и тоже смотрела на него. Значит, судьба! – вздохнул Саша. Теперь деваться было некуда.

– Огонек найдется? – деловито обратился он к ней.

– Был где-то… – торопливыми движениями девушка зарылась в бежевой сумочке на позолоченной цепи.

Он прикурил с третьей попытки дрожащими на сквозняке пальцами. «Будешь?» – протянул ей пачку. Она нерешительно взяла сигарету.

– Я редко курю.., – сказала, – только когда пью или нервничаю..

Оба замолчали и это молчание начало приобретать значимость, очертания невидимого разговора. Саше хотелось думать, что она тоже это чувствует, хотя он и понимал, что эта безмолвная беседа была не более, чем его фантазией, проекцией его сознания, а что происходило внутри очаровательной женской головки, ему не дано было знать.

– Сейчас ты пила или нервничала? – поинтересовался Саша.

– Сейчас пила.

– Потанцуем? – он махнул рукой в сторону зала.

Продираясь сквозь плотную подогретую толпу, они двинули на танцпол. Жесткий бит отбивал ритм, теснота с духотой спирали зоб, десятки рук и ног двигались в унисон. «Как шпроты в банке», – подумал Саша. Впрочем, вскоре он позабыл обо всем и даже отсутствие кислорода перестало ему мешать. Танцуя в общем ритме, он сконцентрировался только на своей новой знакомой, ее ангельской форме, колыхавшейся почти вплотную к нему, слегка задевающей его воздушными движениями рук-крыльев. Она колыхалась как ива на ветру, то открываясь ему навстречу, то прячась, будто уходя от опасности, чтобы через мгновение вновь раскрыться. Саша смотрел завороженно. Он уже знал, сердцем чуял, что влюблен. В своих мечтах он уже гулял с нею, обладал ею, жил с нею и растил десять детей. Хотя по чесноку он понимал, что вряд ли еще ее встретит – так оно чаще всего бывает с этими мимолетными встречами в барах.

Сколько прошло времени – минута ли, час или два, перед тем как она остановилась и помахала светящимися в ультрафиолете ногтями перед темной впадиной рта – «Жарко, подышим?», – Саша не знал. Они вышли, по дороге прихватив виски с колой.

– Как тебя зовут? – поднял он глаза на девушку, пристроившись возле заплеванной окурками стены веранды.

– Алина, – ответила, – а тебя?

– Я Саша, – он глуповато улыбнулся. «Черт, надо было назваться Александром – так солиднее! Ну да ладно…»

Она еще раз смерила его внимательным взглядом.

– За знакомство! – подняла свой бокал празднично.

Молодые люди чокнулись.

– Какими судьбами?

– Пришла с подругой.

– И где она?

Алина неопределенно повела точеными плечами.

– Чем занимаешься? – поинтересовался Саша.

Девушка ненадолго, но явственно отвела глаза в сторону – то ли смутилась, то ли задумалась о своем. И принялась рассказывать, что работает консультантом в огромном торговом зале, полном косметики, не то «Рив-гош», не то «Пор-ля-ше», но как раз сегодня ее уволили и она в расстроенных чувствах пришла отдохнуть, а ее подруга бухала с Педро в том углу, но куда-то пропала! Девушка очередью постукивала ногтями по столу, мельком поглядывая на мутно-серый потолок. Маникюр на ее тонких пальцах светился радугой. Подвалили два пьяных парня и, встав напротив, принялись сосаться. Алина отвернулась, состроив гримаску.

– Не любишь геев?

– Терпеть не могу! Проходу никакого от них нет, откуда только повылазили? Раньше я их редко встречала, а сейчас повсеместно – мальчики с мальчиками, девочки с девочками! – она покраснела от возмущения.

– Ладно тебе, пускай живут. Каждый любит как умеет. – возразил Саша, доставая из кармана пачку «Лаки Страйк». Она замолкла, глубоко затягиваясь, засмотревшись в тонкий зазор между потолком и стеной веранды, сквозь который можно было увидеть далекие звезды. Ее прекрасное лунное лицо покрылось маской отстраненного безразличия. Саша попытался продолжить беседу, спросил какую музыку она любит, каких влогеров смотрит, но она, очевидно, уже потеряла к нему интерес и отвечала невпопад, не то не слыша, не то делая вид что, не слышит. Резкий рингтон вышиб ее из забытья. Напрягая лоб, вслушивалась она в далекий голос, тонущий в низкочастотном гуле. «Да, да, хорошо, да, да, сейчас», – поддакивала.

– Мне пора! – сообщила она Саше, – надо помочь подруге, кажется она перепила, – и извиняющаяся улыбка устах.

«Ну вот и все, – упало сердце у Саши. – Больше я ее не увижу!»

– Номер оставь, – попросил он без особой надежды.

Но девушка не возражала – подарив парню обворожительную улыбку Цирцеи она быстро продиктовала цифры, глядя прямо в глаза.

– Пока! – бросила вполоборота, уходя. – Звони! – и мгновенно затерялась в толпе.

Поразмыслив над этим случаем и не придя к определенному выводу, Саша направился к бару и взял еще виски с колой. И тут же прямо перед ним выросла, тряся крупногабаритным носом, чернявая и бородатая рожа Скифа.

Американец

Внезапно в Сашиной жизни объявился Костя. Костя был другом детства, вместе они росли в одном дворе, вместе мастерили вонючие куличи из грязного песка в покоцаных ведерках, жгли спички за забором и катались на трехколесных велосипедах. Позже, во втором классе школы, они увлеклись игрой в индейцев – воткнув в немытую башку подобранные с земли голубиные перья, раскрасив физиономию спертой у матери помадой, носились по двору, издавая боевые петушиные крики. Но совместное детство недолго длилось – после третьего класса Костя покинул родной город, где он жил у бабушки, и уехал в Москву, к родителям. Там и сгинул. До его окончательного исчезновения они еще успели обменяться несколькими незамысловатыми письмами, но вскоре водоворот жизни засосал их в свои неотвратимые воронки. Саша и не предполагал увидеть друга снова, пока одним унылым и мрачным питерским вечером не зарегистрировался в «Одноклассниках». Зарегился и забыл. Через несколько дней Саша вновь полез проверить свой аккаунт, а там… его ждало послание из прошлого. «Привет, – писал Костя. – Возможно ты помнишь, я задолжал тебе 1 рубль и 30 копеек рублей за мороженое – сладкий пломбир, что мы лопали на площади Ленина незадолго до моего отъезда. Все эти годы я пытался тебя найти, чтобы вернуть долг. Слава технологиям, ты появился! Желаю поскорее встретиться, чтобы освободить свою нетленную душу от лишних обязательств».

Саша в затяжном онемении смотрел на экран.

Они встретились в тот же день в середине Дворцового моста, что несомненно что-то символизировало, хоть Саша и не мог сформулировать что именно, и отправились на Невский. На вид Костя будто и не изменился: только пухлые младенческие щечки сменились щетинистым лицом молодого мужчины, детские глазенки запылали невротическим огнем, а ребяческие шалости переросли в увлечение буддизмом. Поразительным образом, Костя тоже жил в Питере! По профессии Костя оказался каким-то научным работником, успев выучиться в московском МФТИ (куда мальчугана пристроил отец, большая шишка в органах безопасности, всегда мечтавший об умном сыне), и занимался чем-то крайне занудным в чрезвычайно закрытой государственной конторе – не то ядерной физикой, не то ракетостроением, Саша так и не разобрал. К работе своей Константин относился с болезненной серьезностью: «на службе» или «по долгу службы» – часто повторял он.

Зайдя в кафе, Костя сразу выложил на стол 1 рубль и 30 копеек.

– Это тебе. Не люблю быть должным, – и виновато улыбнулся.

– Все эти годы ты помнил об этом мороженом? – поднял брови Саша.

Разговор летел стрелой. Костя с увлечением вспоминал юность:

– А помнишь, ты принес мне кассету «Шарп» с записями «Аэросмит», а ее плеер зажевал? Помнишь, как мы костер жгли в палисаднике возле дома и сожгли все собрание сочинений Ленина? А как я тогда с велика ебнулся, и мы потом за гаражами колесо меняли? Ссадины еще месяц заживали…

Действительно, память у Кости была великолепная. Еще больше было у него желания удерживать в ней все эти давно ушедшие детали дней давно минувших. Иначе относился к прошлому Саша – что было, то прошло! Зачем ворошить былое? На вопрос о том, была ли то шутка или его взаправду так сильно волновал долг двадцатилетней давности, Костя ответил двусмысленно – настоящий буддист не может иметь ни долгов, ни имущества.

– А ты настоящий? – не поверил Саша.

– Безусловно, – отрезал Костя, – я даже жертвовал деньги на строительство Ступы Совершенной Победы в Дацане Ринпоче Баргадши Гандан Чойнхорлин!

– Без дураков? – у Саша стали возникать сомнения в психическом здоровье приятеля.

– Я бы не стал смеяться в таких вопросах! – обиделся Костя. И выразительно заржал.

Они снова стали общаться.

Вот и сегодня, еще не прочитаны были все новости, не съеден был Сашин фирменный холостяцкий, на кефире, омлет и не успел остыть в турке ароматный перуанский кофе, как позвонил этот чудак и попросил о встрече. Его, как обычно, бросила девушка. Костя всегда звонил, когда его бросала девушка, а происходило это с завидной регулярностью. И каждый раз он переживал, как первый. «Как она могла? Я ее так любил, так старался. Что только я ни делал – до дому провожал, на руках носил, трюфелями кормил, розы под ноги стелил, корову подарил! А она ушла. Неблагодарная!» – так, посмеиваясь над собой, рассуждал Костя, широко шагая по набережной Фонтанки. Дворцы и доходные дома прошлого, покачивая барочными кудрями, равнодушно взирали на двух молодых людей, ступающих по булыжникам, помнящим еще волочащего ноги Федора Михайловича.

Захватив в магазине «Продукты» несколько банок «Балтики» и полушку армянского трехзвездочного они свернули на Ломоносова. Там, в конце огромного полупустого двора, заросшего по краям кленами и липами, окруженного глазастыми уставшими жилыми домами и мертвыми слепыми стенами, стояли качели. Костя хлебал пиво и покачивался: «Не понимаю, что происходит с девушками – никто не хочет отношений! Всем лишь бы потрахаться. Шлюхи, млять!» Пиво приятно отдавало в голову.

– Да ну? – усомнился Саша.

– Без всяких «ну». Вот встречаешь ты девушку – комсомолку, спортсменку и красавицу, ножки-палочки, пищит голоском тонюсеньким, а на следующий день находишь ее на порносайте с членом во рту! – он вошел в раж. – Видел все эти объявления: «Гуля», «Рита», «Настя»? Вертеп! Гнездо разврата! Только начнешь встречаться с кем-нибудь, как она такая – простите, я ничего не имела в виду! Только секс! Мне кажется, мужчины с женщинами поменялись ролями. Раньше мужикам был нужен секс, а девушки, искали замужества. Сейчас все наоборот. Я желаю семьи и постоянства, а девицы мне попадаются сплошь легкомысленные!

Саша вполуха слушал друга, лениво потягивая пивко. Стояли первые майские деньки, пригревало раннее весеннее солнышко, салатовые, недавно распустившиеся почки тревожили душу терпким медом, пахучей смолой и чем-то еще родным, щемящим, пахнущим надеждой или – любовью. Жирный рыжий кот вылез из подвала и вальяжно разлегся на солнышке брюхом вверх. С другой стороны, под раскидистым каштаном, уже обросшим юными розовато-белыми хлопьями, тусовался дед с голубями. Разомлев от тепла и света, расстегнув тулуп и скинув шапку, дед кидал птицам крошки; те, покачивая головками аки китайские болванчики, их ловили. Казалось, они совсем не торопятся, передвигаясь вдумчиво и медлительно – как черепашки в том анекдоте про торчка в зоопарке. Вся сцена напоминала тягучий видеоарт – дед неспешно рассеивал хлеб, а голуби неспешно следовали за ним, передвигаясь по хаотичной траектории, словно визуализируя броуновское движение. Саша провалился в дыру: там голуби обернулись точками и запятыми, и каждая точка была подписана, но Саша не различал надписей. На всю сетчатку раскатилось яркое оранжевое пятно, затем оно собралось и материализовалось раскидистым осьминогом с простертыми щупальцами, между его вылупленных глаз торчала часовая башня со шпилем. Из забытья Сашу вывел громкий голос Константина:

– Эй! Совсем оглох? Пиво будешь?

– Что? Где? – Саша вернулся в реальность. Она была проста и неприхотлива, как один рубль РФ.

– Пиво будешь, повторяю?

– Да-да, конечно буду, – покорно кивнул Саша.

– Я тебе тут душу раскрываю, а ты не слышишь?

– Да слышу, слышу, о чем ты говорил?

– О девушке! Как мне ее вернуть?

– Кого?

– Кого-кого? Свету!

– Ты задолбал. Забей на нее, зачем тебе ее возвращать?

– Как, я ее люблю.

– Тогда освободи ее. Пусть делает, что душе угодно. Свое не уйдет, чужое не прилипнет.

Костя печально задумался.

– Есть такой лайфхак, – подсказал Саша, обладавший солидным опытом в сладких объятиях одних женщин забывать сладкие объятия других, – если тебя бросила девушка, трахни десять других. Клин клином вышибают.

– Это дело, – развеселился Костя. – Но зачем мне десять, мне одной достаточно, нормальной!

Друзья сдвинули бутылки – дзинь! Предвкушение на дне горла сменилось хмельным холодком. Солнце скрылось и Саша застегнул куртку. Его посетила мысль об Алине – где она сейчас? Увидит ли он ее еще? Уж слишком неопределенно вымолвила она свое высокомерное «посмотрим..» А какая девушка! Дед с противоположной стороны двора набросил на плечо дорожную сумку с гербом СССР, и заковылял прочь . Его силуэт одиноко выделялся на фоне высокого брандмауэра из желтого кирпича, с намалеванной жирной надписью «Мы русские и с нами Бог», а голуби провожали его, вразнобой кивая механическими клювами. В глазах помутнело. Саше вновь привиделся осьминог с башней, он плотоядно шевелил конечностями. Саша ущипнул себя за ляжку.

– Ты все со своими бабами! Мне не до этой фигни! – сфальшивил он, – Я идею стартапа придумал: я разработаю особенные презервативы!

– А говоришь о бабах не думаешь!

– Да постой, при чем тут бабы? Это будут особые технологические гондоны с датчиками и блютузом. Как только ты приступаешь к траху, презерватив начинает передавать количество совершенных фрикций на сайт. А там выводится – сколько времени ты продержался, с какой скоростью двигался, какова амплитуда колебаний твоего хера в ее манде! И вверху страницы, крупными буквами – рекордсмен Вася Пупкин! 23 часа и 8 минут при амплитуде 25 см – зацени идею! Каждый богатырь желает помериться мужской силой! Девушки будут проверять сайт, чтобы выбрать хахаля. Любой уважающий себя мужик мечтает о рекорде и купит еГондон!

– Ты, Саша, перегрелся! Может, уже изгнанием духа «пиздец» займешься?

– Это что за экзорцизм?

– Это древний индейский ритуал! Помнишь мы в индейцев играли? Вигвам в палисаднике строили и мокасины из кирзачей носили?

– Помню, – подтвердил Саша.

– Так вот эти индейцы совсем не дураки были. Они, когда в города переехали, что белые люди построили, быстро смекнули, что их желают со свету свести. Потому, что в городе от засилья технократической цивилизации, беготни, стекла, бетона и машин возникает психическая фрустрация, в организм проникает дух «пиздец». И если его вовремя не изгнать – сгинешь смолоду! Вот индейцы и придумали способ как от него избавляться: следует в публичном месте, во дворе дома, в лесу или под водопадом, громко, во всю мочь заорать: «пизде-е-ец»! Так, чтоб за километр слышали. Дух пугается и весь выходит. Ну или эвфемизм какой-нибудь – «нахуй», например. Главное, чтоб во всю мочь, изо всех сил, чтоб деревья дрожали и люди из окон выглядывали – кто это там дух «пиздец» изгоняет?

– Да где ж тут наорешься, ментов вызовут! – усмехнулся Саша.

– А ты попробуй в лесу или на финском заливе!

– Хорошо, попробую. Когда припрет. Мне тут на днях в партии предложили участвовать, политической. – вспомнил он.

– ЕР, что ли, или СР? Кому ты там нужен? Там все теплые места уже расхватаны.

– Какое! К этим унылым жуликам я бы и не пошел! Только оппозиция, только «Справедливость», только хардкор!

– Держался бы ты от них подальше – наебут они тебя! – скептично хмыкнул Костя.

– Почему это?

– Да ты посмотри на них – наебут и подставят! Такие всегда наебывают.

– Ты гонишь, они наша надежда! Они единственные пытаются прекратить разграбление страны и остановить пропаганду в телевизоре: распятые мальчики, съеденные заживо девочки и зеленые человечки на десерт. Власти срослись с олигархами и пилят Россию, а народ блины с лопаты хавает!

– О-о! Спокойно, товарищ! Чего так возбудился? Делай что хочешь, я тебе свое мнение высказал.

В наступившей тишине далеким отзвуком со стороны Владимирской донесся звон колоколов. Двор был пуст, как футбольное поле между матчами. Солнце, выглянув в зазор промеж облаков, писало Малевичем супрематическую картину из прямых углов и асимметричных треугольников на стенах окрестных зданий. Саша вынул из кармана мятую пачку «Лаки Страйк» и предложил другу. Тот резко чиркнул зажигалкой. Друзья затянулись, почти одновременно.

Обычно, затянувшееся молчание напрягает. Но, удивительное дело, когда оба чем-то заняты, например курением – напряжения не возникает. Напротив, курящие испытывают внутренний комфорт и наполненность, как при просмотре хорошего фильма. Так и сейчас – ребята сосредоточенно курили, каждый о своем.

Приближающиеся со стороны Владимирской шум и крики нарушили урбанистическую пастораль. Подтянутая мужская фигура в элегантном черном костюме, неуловимо напоминающая иностранца, с одышкой трусила вдоль поребрика, размахивая на бегу портфелем. Ее преследовала орава молодых людей с бритыми головами и белоснежными шнурками в высоких кожаных берцах. Белые шнурки отражались в прозрачных лужах. Удары крепких подошв печатали мостовую. Сверкали клепки на напульсниках. Стая орала и галдела.

– Лови пиндоса!

– Быстрей, Говно!

В попытке уйти от преследователей мужчина свернул во двор, где курили Саша с Костей, но безуспешно – трое шакалов нагнали его и обступили стеной.

– Ты кто такой будешь?

– I am a diplomat. American diplomat. Don't touch me or I'm going to complain.

– Американка! Что он гонит? Дипломат? Вначале ходят тут такие дипломаты, а потом прилетают «томагавки»! – угрожающе сказал толстячок в футболке с надписью «White Power», пунцовым румянцем на детских пухлых щеках и белесыми поросячьими зырками.

– Сейчас настучим ему по кумполу! – без обиняков заявил худой и длинный скинхед с торчащими желваками и жестоким, полным ненависти взглядом. Руки у него чесались.

– Please, let me go home! I am a diplomat, I have security… – молил американец.

– Хоум. Ребята, он хочет хоум. Чего же эта гнида пиндосовская делает в нашем городе? – риторически спросил квадратный щенок с бульдожьей челюстью.

– Все им дома не сидится, вот и шастают по чужим странам. В Ливии их не ждали.

– И в Ираке не ждали!

– И здесь не ждут!

– Так отправим дипломата в хоум! – торжественно произнес щенок и, для убедительности, задвинул несчастному в под дых с ноги. Лицо у дипломата вытянулось, глаза поглупели, а рот задвигался как у сома в ведерке.

– Хоум его на небесах! – апокалиптично заметил долговязый и легким движением ноги заехал американцу кованым берцем по фейсу. Тот с визгом отлетел, харкая кровью и ударился башкой об брандмауэр. Слюна с сукровицей густо потекли из разбитого рта, багровой жижей падая на еще недавно черные брюки и искрящийся итальянский блейзер. Началось гнусное мочилово.

Тлак, тлак.. – сыпались удары.

Хррр…Ууу… – хрипел американец.

Саша с Константином, ставшие невольными свидетелями нападения, издалека смотрели на разворачивающуюся бойню. Саша переминался с ноги на ногу: ему не особо улыбалась идея получить звездюлей за чужой счет этим чудесным деньком. Костя закипал – его белесые брови

сошлись в напряжении, губы сжались, а желваки заиграли на скулах. В конечном счете, он не выдержал, сорвался и бегом направился к дерущимся. Саша поспешил следом.

– Сваливаем! – объявил главный, заметив бегущих парней. Оставив американца, скины снялись с места и отступили в глубину двора. Лишь один из банды на секунду задержался, чтобы сорвать с жертвы приглянувшийся ему пиджак. С гоготом и улюлюканьем они скрылись в пролете арки, а эхо еще несколько мгновений разносило по двору отборную нецензурную брань. Костик бросился было за ними, но тех уже и след простыл, а Саша тем временем подбежал к поверженному мужчине, свернувшемуся в позе эмбриона возле стены. Тот хрипел, клокотал горлом, с трудом захватывая воздух. Саша наклонился к незнакомцу и попытался перевернуть его на спину.

– Эй ты чего? – потряс Саша мужчину за плечо. – Ты не умирай мне тут!

Подоспевший Костя быстро набрал скорую и выпалил адрес.

– Ты кто, мужик? – не отставал Саша.

Мужчина напрягся, вымучивая звук, губы его лихорадочно зашевелились.

– Амэрикан, амэрикан… – лепетал он, пытаясь распрямиться. – Сам, сам!

– Да ты сам сейчас не справишься!

Движением глаз мужчина покосился на портфель, валявшийся неподалеку и попробовал подтянуть его ближе, но лишь застонал от боли. Саша подвинул портфель к незнакомцу – тот с трудом просунул руку в боковой карман, достал портмоне и протянул спасителю. Внутри кошелька Саша сразу нашел визитки с простой надписью, черным на белом: «Sam Scott, куратор-референт».

С визгом и завыванием во двор внеслась машина «скорой помощи». Санитары в белых халатах, четкими, профессиональными движениями уложили американца на носилки, и унеслись, взревев мотором. Саша поднял глаза: в дрожащем от адреналина воздухе над местом побоища висела довольная рожа, увенчанная башней, и заразительно ржала. Саша передернул плечами – видение сгинуло. Портфель с кошельком так и остались в руках растерянных приятелей.

О последнем бастионе

Стоял поздний мартовский вечер. Тихо покачивали коронованными головами розы и мялись в складках гвоздики на мосту. Легкий бриз шелестел флагами, тревожа бесчисленные фотографии и рисунки с изображением героя, расставленные вперемежку с лозунгами: «Так победим!», «Борись», «Россия будет свободной». Именно здесь, напротив Кремля, несколько лет назад упал на асфальт, пораженный трусливой пулей наемного бандита, известный политик, видный мужчина, предводитель оппозиции Перцов. Как говорится: «свято место пусто не бывает» – с тех пор оно не пустовало ни минуты. Ни дня, ни ночи не прошло без настойчивых активистов, толп паломников и иностранных гостей. Герой умер за нашу и вашу свободу, герой должен спать спокойно, в уверенности, что дело его живо. Так рассуждали двое мужчин – пожилой в потертой спортивной куртке и меховой шапке-ушанке, с глубоко прорезанными морщинами на волевом лице, и другой, молодой и смазливый, наряженный в модное двубортное приталенное пальто, с любопытством пялившийся по сторонам. Они лишь недавно заступили на дежурство, сменив паренька из «Справедливости», и теперь вдумчиво сидели на гранитном бордюре, отделявшем пешеходную часть моста от автомобильной и смотрели на реку, готовясь к бессонной ночи. Тот, что постарше, с седой бородой и веселой искринкой в глазах, периодически импульсивно вскакивал и бороздил мостовую, чтобы внимательно осмотреть свои владения, поправить покосившиеся таблички или равномернее распределить цветы. Цветов у героя должно быть много! Их тащили активисты, несли фаны и сторонники погибшего, а каждое утро сюда приезжала спецмашина из оранжереи, и пожилая флористка в платке трудолюбиво распределяла цветки по букетам, перевязывала красными и желтыми лентами, вкладывая все свое чувство прекрасного в эту незамысловатую икебану. Между цветов горели, аккуратно разложенные вдоль стены, свечи, за ними следили дежурные, зажигая новые по мере прогорания старых. Традиция дежурить на этом месте зародилась вскоре после вероломного убийства – море людей закидало цветами всю округу, их вывозили грузовиками! – с возбуждением рассказывал молодому пожилой, а тот внимал, склонив голову. Буквально через несколько дней сюда пришли вандалы, раскидали таблички, разбросали цветы, порвали портреты, написали баллончиком оскорбительное слово и скрылись. Тогда-то и пришло понимание, что охранять память погибшего надо круглосуточно. Периодически мост пытались зачистить сами власти с помощью коммунальных служб, но не тут-то было! Активисты решительно пресекали их иезуитские замыслы. Было и еще одно назначение у самодеятельного мемориала. Он служил точкой сбора и притяжения для всех прогрессивных сил, демократической общественности и оппозиции, для людей, желающих что-то изменить в этой стране. Вечным огоньком он горел в центре столицы, искрой готовой разжечь пламя демократической революции в России.

– Я был первым, кто стал здесь дежурить, – рассказывал пожилой. После разгрома я пришел сюда, чтобы собрать букеты, вернуть на место фотографии, зажечь свечи и стереть гнусные надписи. Я защитил героя своим телом, закрыл собой кровоточащую рану, и монумент выжил! Сколько раз я гонял отсюда провокаторов… Сколько раз я в одиночку противостоял «Гормосту», гонял отсюда «Ваших», «Наших», «Идущих вместе и порознь» и прочих кремлядей. Не дай бог тебе при этом присутствовать!

– И часто такое… ээ… происходит? – озадачился молодой активист.

– Ну как… Периодически. Сегодня ночью может быть вполне!

– Откуда вы знаете?

– Всегда возможно. В каждую ночь возможен наезд.

Молодой задумался. Треща поломанным мотором, мимо протарахтела машина, послышался женский визг, залаяла собака, но все быстро успокоилось.

– Я тут второй раз, – заговорил он, – в прошлый раз я дежурил с утра, пришла журналистка, вроде из Швеции, прекрасно разговаривала по-русски, хотя и с акцентом. Спрашивала, зачем мы тут находимся, до каких пор намереваемся стоять. Я ей ответил: будем стоять, пока власти не поставят официальный монумент, памятник и табличку. А она такая: я слышала, что погибший оставил огромное наследство, что вы про это думаете? Я не знал, что ответить, сказал что ничего про это не знаю.

– Это провокаторы! – возбудившись, старик вскочил на ноги и сорвался на визгливый фальцет – Они повсюду! Даже среди иностранных журналистов они встречаются: контора не спит, вербует пачками. Ты никогда не знаешь, кто перед тобой. А я их за километр чую! Чай не первый год в правозащитном движении! Ребенком, вместе с матерью, я часто сиживал в гостях у близкой подруги и сподвижницы Андрея Дмитриевича Сахарова Эллы Леонидовны Слуцкой. Это была чудесная семья – там все сидели! Все прошли через ГУЛАГ – мать сгинула в лагерях, сама Элла Леонидовна осуждена как ЧСИР и даже дочь ее Марина родилась в концлагере под Пермью. По вечерам, в изолированной комнате с пятислойными обоями, мы слушали ВВС и «Голос Америки» по транзистору, а уж Солженицын там как ходил, как ходил! В самиздате, тамиздате и лично переписанный изящной ручкой Танюши – машинистки из особого отдела. Тонкие листы папиросной бумаги мы читали молча, потому что у стен есть уши… – он наклонился близко-близко к уху собеседника – Я хочу дать тебе совет, ты еще совсем зелен, многого не понимаешь, но этот совет может тебе пригодиться…

Молодой человек подставил ухо в знак внимания, как вдруг пилой завизжал мобильный. Жилистой рукой старик достал из кармана надрывающийся аппарат. Голос в трубке был настойчив и требователен.

– Тихо, тихо, – перебил старик и вдруг сорвался на крик. – Это не телефонный разговор. Меня могут услышать! Поговорим при встрече!

Отдышавшись, продолжил:

– Это был прекрасный дом, чудесная семья. Каждое утро мы начинали с ВВС, либо с «Голоса Америки»! Транзистор мы слушали в бункере с двойной обивкой! По ночам мы читали «Архипелаг ГУЛАГ». А когда развалился СССР и Берлинская стена пала, сколько было счастья! Мы упивались свободой, черпали ее ладонями, глотали кружками и чайниками. Но недолго музыка играла, недолго пел аккордеон… Эти монстры из КГБ снова прибрали власть к рукам. Да они ее и не теряли никогда. Они сами организовали перестройку, чтобы нагнать отставание от цивилизованного мира, а гласность доложили, как индийский чай к продуктовому набору. Красной номенклатуре нужны были технологии! И как только они их получили – сразу вновь закрутили гайки. Как были чекисты у власти, так и остались! В 80-х коммунистическая партия еще представляла им оппозицию, а как приказала долго жить, не осталось других хозяев. Чекисты бессменно правят Россией с 17-го года! Я помню как они сопротивлялись сносу истукана с Лубянки! Но мы их заставили! Я лично был в организационном комитете! Знаешь, – он перешел на шепот, – У главного, в кабинете, до сих пор висит портрет Дзержинского. Но чтобы никто не видел, висит он лицом к стене!

Он повернулся к Кремлю и, подняв кулак, окинул проклятые башни полыхающим ненавистью взглядом. – Минет еще ваш век…

Дефолт

С утра Саша собрался сходить в экспо-центр на ярмарку мобильных устройств двенадцатого поколения, но жизнь приготовила сюрприз: «Правительство Российской Федерации объявляет технический дефолт по государственным облигациям РФ и отказ от удержания курса рубля в рамках валютного коридора», – просто и незамысловато, но при этом оглушающе, звучало официальное сообщение ТАСС. Значит, все эти бесчисленные фонды: национального благосостояния, стабилизационный, нефтегазовый сберегательный и другие, с неслыханными миллиардами, оказались пустышками? Сообщения Минфина – фейком? Как только цена на нефть опустилась ниже 20 баксов – сразу дефолт? Это слово звучало страшно. Напоминало о голодном 98-м – после смерти отца им пришлось переехать в деревню, единственным источником дохода оставалась их городская квартира. Сами они пололи картоху, сажали моркву и окучивали репу. Саша ходил в деревенскую школу, где нередко получал по щам, за то что «городской».

«Надо срочно забрать деньги из банка!», – выбежал Саша из дому. По дороге он чуть не сбил пожилую женщину в венке из кладбищенских грязных цветов с плакатиком: «Русские люди! Покайтесь за преступления коммунистов!» Обогнув блаженную, он помчался вперед: все банкоматы были сломаны, либо красноречиво свидетельствовали: «денег нет», вокруг них угрюмо бродили люди, стуча палками. Электронные табло обменников застыли мертвыми дощечками. На двери отделения Сбербанка висело красноречивое: «В связи с повышенным спросом на наличные средства сегодня банк работать не будет!» Люди толпились, ругались и спорили. К одному из банкоматов вытянулась длинная очередь, и Саша без промедления рванул в ее конец, пристроившись за стариком в папахе. За ним встал вояка в камуфляже. Очередь трещала и побулькивала, но двигалась. После каждого счастливчика, которому удавалось вытащить из машинки свои кровные, по всему изнывающему от жажды денег человеческому удаву проносился вздох облегчения – «Дает!» «Только бы на меня хватило,» – молился Саша. На эти скромные средства он намеревался свозить Симу в Барселону. Если она вернется, конечно.

– Ох помру скоро, лекарства американские запретили! – простонал старичок.

– Скоро и выезд запретят! – подлил масла в огонь кто-то.

– Да и выезжать будет некому, в Новокузнецке еще один ТЦ сгорел вчерась, – не успокаивались страждущие.

Саша открыл интернет: в сети набирала обороты истерика. «Доллар по 500!», «Кабздец Рашке-говняшке» и «Спасайтесь, кто может!» – были самые спокойные комментарии, из тех, что попались Саше на глаза. Между тем его очередь почти подошла. Старик перед ним так долго возился с чудо-машиной, что стоящие сзади уже подгоняли его – давай, дед, скорее, жги! Но тот лишь дрожащим пальцем указал на мертвую надпись – «Наличные средства закончились. Обратитесь в отделение». «Закончилось!» – исполненный отчаяния крик пронесся по очереди.

– Это ж, право, кошмар какой-то… – причитал дед, оседая.

– Это тетка в шубе все забрала, сейчас догоню суку! – почему-то решил военный и бросился наутек. Саша опупело глядел на массивный рекламный щит на стене здания напротив банка: по нему шла реклама «Вискас», на экране играли котики. Они плотоядно поедали черные рассыпчатые хлопья. Внезапно хлопья на экране ожили, превратившись в жирных черных опарышей, а рыжий кот ощерился нехорошей ухмылкой. Сашу передернуло: на месте кошачьей мордочки образовалась тигриная харя. Над ней светился золотой конус.

Битва на мосту

Ярко сияли звезды на Кремлевских башнях.

– Кстати, как тебя зовут? – внезапно обратился пожилой к молодому человеку.

– Петруша, – отозвался тот.

– А я Эрнест. Эрнест Никодимович. Будем знакомы. Откуда будешь, Петруш?

– Я из Питера.

– О! Питер я очень люблю, – обрадовался старик. – 30 лет назад я там жил, ходил в рок-клуб, бывал в «Сайгоне». Какие люди там собирались! Одних уж нет, а те далече! Какими судьбами в Москве?

– К ребятам приехал из главного штаба «Справедливости». У нас в Питере слабо развит политический активизм, не то что здесь, все бурлит! Друзья меня пригласили сюда, на мост, помочь в дежурствах, заткнуть дыры.

– Когда домой?

– Да уж завтра, утренним поездом.

– Петруш, – Эрнест конспиративно понизил голос, с опаской поглядывая на Кремль,. – Говорят, у вас в Питере… Было ЭТО! Ты в курсе?

– Что? – переспросил тот, догадываясь, о чем речь.

– Ну, атака… ядерная?

– Да, было, да! – возбудился молодой человек, – Я дома сидел, а тут.. Я подумал – все, война началась. Смотрю на часы – а они 12 ночи показывают, хоть и времени середина дня. До метро мне ехать долго, где это бомбоубежище, один черт знает, я стал Богу молиться, хоть и атеист! Мне потом рассказали: куча народу погибло – кого раздавили, кто от инфаркта окочурился, многие до сих пор в больницах. Через пятнадцать минут все закончилось, но что там стряслось – никто не знает! Остается только гадать!

– Это точно, – вздохнул старик. – Я сам не видел, но мне доложили достоверные источники – сотни человек похоронены на разных кладбищах, чтобы следы замести! Власти все замалчивают – делают вид, что ничего не произошло! Даже на «Свободе» и BBC – молчок. Кремль их тоже купил! Многие и вовсе не верят, но я-то знаю, как было дело! – он перешел на шепот. – Это все искажения в брамфатуре! Чудовище проснулось! Шшшш… Оно еще преподнесет нам сюрпризы. Ты вообще об ЭТОМ не распространяйся: говорят, с теми, кто об ЭТОМ болтает, нехорошие вещи случаются!

Оба многозначительно замолчали, а Петруша с удивлением взглянул на старикана.

– Знаешь, Петруш, – его голос заиграл деловыми обертонами. – У меня в Питере племянник живет. Сашей зовут. Аполитичный как слон, бизнесом бредит. Но власть дюже не любит! Может, ты с ним встретишься, поговоришь? Ему, вероятно, будет интересно, может он поучаствует в акциях… или поможет с рекламой – он очень в этом хорош!

– Можно попробовать, – согласился Петруша.

– Да уж попробуй, попробуй. Номер запиши…– Старик подслеповато полез в сумку нащупывая телефон или записную книжку. – Я ничего не вижу! Очки, где мои очки? – запричитал он. – Петруш, ты не видел моих очков? Я пришел сюда в очках, а теперь их нет. Такие крупные, в роговой оправе, левая линза треснута.

Петруша в растерянности огляделся вокруг.

– Может в карманах, – предположил он.

Старик стал лихорадочно рыться в карманах куртки, брюк, рубашки. Очков нигде не было, они бесславно сгинули.

– Черная дыра затянула! – разочарованно протянул он. – Вечно, вечно эта дыра, этот вселенский анус, заглатывает мои вещи, ощущения, мысли… Она здесь, совсем рядом, но мы

ее не замечаем. Только временами, – когда бесследно исчезают вещи! – она дает о себе знать. Очки! Только что они сидели мирно на моем носу, радовали хрусталик кристальной точностью изображения – и нет уже их. Все потому, что мир наш не рационален, искажен как кривая Безье в Гильбертовом пространстве. Убежденный в постоянстве бытия ты просыпаешься с утра, драишь зубы, спускаешься в метро, работаешь до белого каления, усталый, но довольный возвращаешься домой. Все лишь до тех пор, пока не упадешь в дыру, не утонешь в мутном хаосе коллективного подсознания. Ты, наверное, думаешь, я сумасшедший? Совсем нет, многие великие мира сего знали об этом: Льюис Кэрролл описал все в мельчайших подробностях: помнишь, как Алиса, надышавшись холотропки, падает в кроличью нору и попадает в искривление пространственно-временного континуума? Об ее приключениях ты наверняка наслышан с детства? – он вопросительно посмотрел на собеседника. Тот утвердительно кивнул.

– В таком случае ты знаешь, чем там закончилось – ей удалось оттуда выбраться. Но не всем удается! Теоретически существование альтернативной реальности, существующей бок о бок с нашей доказал в 30-м году австрийский немец Курт Гёдель в теореме о неполноте. Он на пальцах, – старик продемонстрировал свои крючковатые, крепкие пальцы, – доказал, что в каждой с виду непротиворечивой системе, каковой мнится наш мир, содержится иррациональное, не выводимое и недоказуемое зерно. Возьмем математику. Думаешь, дважды два всегда четыре? – разошелся старик, переходя на крик. – Как бы не так! То есть чаще всего, конечно, четыре, да. Но бывает и пять! И шесть! Даже семь бывает. Все возможно! Как об этом говорил поэт, – он прытко вскочил на постамент:

Прекрасен и ладен нотный строй
Как когорта спартанцев
Строг и логичен ряд простой
Чисел и карбованцев
Но вороном белым мелькнет вопрос
Лебедем черным крякнет:
Припудрит ли барракуда нос
Когда брамфатура квакнет?
Когда расслоится небосвод
Радугой меж сетей
Когда ощерится чеширский кот
Иблисом средь детей
Когда в полночь взойдет заря
Вопль сорвется с губ
А вы ноктюрн сыграть смогли бы??!

По мере чтения его голос становился все мощнее, а на последней строчке и вовсе сорвался в патетический рев.

– Артист! – восхитился молодой.

Старик так увлекся декламацией, что не заметил, как двое верзил, в ярко красных пуховиках с надписью «RUSSIA», выросшие, будто из-под земли, на другом конце цветочной аллеи, принялись громить мемориал – пинать букеты с цветами, топтать портреты героя, разбрасывать и тушить свечи. Первым заметил их Петруша и бросился наперерез: – Что вы делаете? Остановитесь немедленно!

Но те не спешили слушаться – не обращая ни малейшего внимания на молодого человека они продолжили погром. В руках у одного возник брусок арматуры, у другого цепь. Он орудовал ей как кистенем.

Эрнест прервался и перевел взгляд на источник шума. Он сразу все понял. Глаза его налились кровью.

– Это провокаторы! – заревел он, резво спрыгнув с постамента, и решительно побежал к молодчикам. Тараном налетел он на мужика с ломом, сшиб его с ног и вырвал у него металлический прут. Теперь ситуация перевернулась – вандалы оказались в невыгодном положении. Еле увернувшись от удара, обезоруженный молодчик зачесал в направлении Красной площади, крикнув приятелю: «Эй, сваливаем, этот ненормальный и убить может!» Тот кинулся вслед и оба они задали такого драпака, что пятки сверкали, а старик припустил за ними. Впрочем, вскоре он выдохся и остановился, тяжело дыша: его мощная грудь так и ходила ходуном, из глотки вырывался клекот. Сплюнув сквозь зубы Эрнест повернул назад. Большая часть ансамбля была разрушена. Россыпью валялись разбитые горшки, горько плакали растоптанные растения, искоса смотрели разорванные портреты. Осквернённый мемориал выглядел печально.

– Чего стоишь, помогай давай! – прикрикнул старик на Петрушу, застывшего как столб, в растерянности от происходящего. Тот вздрогнул, очнулся и принялся суетливо и беспорядочно помогать Эрнесту приводить все в порядок – расставлять по местам горшочки и бутылочки, возвращать на место картины и лозунги. Самый крупный рисунок, тщательно прорисованный тушью, изображавший героя со взглядом, исполненным тревоги за судьбу страны, оказался разорванным напополам. Его пришлось склеить скотчем, нашедшимся на самом дне бездонной сумки старика, ветхой и поношенной, но содержащей массу полезных вещей. Наконец дело было закончено, мужчины устало присели на бордюр. Под ногами Петруша заметил продолговатый предмет с дужками и крупными линзами. Он протянул его Эрнесту. – Ваши? – О, очки! Нашлись! – обрадовался тот. – Я же говорил, эта дыра отпускает… Поиграл бес и хватит! – Он надел очки на нос и сразу стал похож на ученого-изобретателя из фильма «Назад в будущее». Холодало. Старик выволок из сумки и накинул на себя замызганный плед.

– Я немного подремлю, а ты внимательно смотри! Если они вернутся – сразу толкай меня, я им покажу где раки зимуют!

Склонив седую голову и прижав подбородок к груди, он умолк. Стало тихо. Лишь ветер устало свистел, облетая опустевший город, с его вечно живой душой, перенесшей столько, что никакому человеку не снилось – города благословенны долголетием и выносливы поболее людей.

Светало. Утренний туман колыхался над Москвой-рекой, застилая молочным маревом просыпающийся город. Доносились голоса спешащих на работу уборщиц и менеджеров, подземный гул метро, далекие гудки катеров. В тумане по мосту поехали первые машины. Хотелось крикнуть – «Лошадка!! Ежик!!» И точно, как призрак появился из белого пара ежик… нет, сменщик, мужчина лет 40, с сосредоточенным взглядом, представитель одной из общественных организаций, коротко поздоровался, поинтересовался, как прошла ночь.

– На нас был наезд! – взволнованно говорил Петруша, – но мы отбились! Вот, сейчас уже сейчас, все в порядке, мы все прибрали, все восстановили.

Сменщик угрюмо осмотрел заметанные следы ночного шабаша.

– Кто налетчики? – спросил угрюмо.

– Да кто их знает, каждый раз новые черти, – буркнул старик. – Я пойду?

– Можете идти, я позабочусь.

Тот неторопливо собрал вещи, прощупал очки на глазах, напялил овчинную шапку, плотно защищающую уши от ветра, по брови и заковылял прочь.

– Эрнест Никодимович, Эрнест Никодимович, подождите! – окликнул его Петруша.

– Что надо? – огрызнулся тот.

– Вы… вы что-то хотели мне сказать, дать мне какой-то совет! – догнал Петруша старика. – Мы говорили о чем-то очень важном, но тут прибежали эти варвары и… А мне так интересно узнать!

– Ты уверен, что хочешь это слышать?

– Да.

Поблескивая остекленевшей радужкой, старик наклонился к Петруше и зашептал ему прямо в ухо: «Опасайся провокаторов! Они повсюду!» Резко развернувшись, он зашагал по направление к Красной Площади.

О том, что мысли бывают материальны

Работа спорилась, никто не отвлекался на разговоры. Хотя у каждого в голове чертовым колесом вертелся вопрос: что это было? Ядерная тревога? Дефолт? Власти многозначительно молчали. В сети множились слухи: утверждали, что банковская система рухнула, что атаку нейтрализовали средствами ПРО, что произошел сбой в системе предупреждения, что Красноярска больше нет, но этот факт тщательно скрывается. Некоторые и вовсе подозревали нечистую силу. Алексей Викторович строго предупредил ребят – никакой пустопорожней болтовни! Так что никто не филонил, все дружно втыкали в мониторы: звонили, говорили, отмечали, записывали и снова звонили. Каждую минуту кто-то кликал по цифрам телефонной программы, законекченной к виртуальной АТС, слушал зуммер…

– Добрый день, я могу говорить с господином Икс? – и быстро, быстро пока слушают: – Я по поводу обучения. Ваша компания проводит обучение сотрудников? У вас выделен бюджет?

Обычно после вопроса про бюджет разговор вежливо, либо грубо сливался. Но временами ответ оказывался положительным! Чисто по методу Ржевского: можно по роже получить, а можно и впендюрить.

Неожиданно айфон, мирно спавший в правом углу стола, затрясся, завибрировал и сказал: пип. Саша как раз дописывал персональный фейсбучный пост для Алексея Викторовича, он уже закончил с холодными звонками, дописал методичку по переговорам для новых сотрудников, зарегистрировал семь человек на завтрашний тренинг и даже между делом построил глазки Ларисе, неуклюжей девице с веснушчатым лицом и широченной розовой оправой на пухлом вздернутом носу. Айфон в углу стола снова затрясся и и еще настойчивее сказал – пип-пип!

На экране висело сообщение с незнакомого номера.

«Александр, добрый день! Мое имя Екатерина, я координатор всероссийского политического движения «Справедливость». Мне дали ваши координаты в связи с вашим желанием принять участие в нашей деятельности. Перезвоните, в случае заинтересованности».

«Оппа! На ловца и зверь бежит!» – Саша остолбенел от удивления: никогда в жизни не выражал он вслух такого желания. Только про себя и то мимолетом. Ему стало интересно, он нажал на кнопку вызова..

Закончив разговор, Саша разволновался – ему предлагали встречу. По горизонту сознания носились облака сомнений: надо ли ему это? что там за люди? не разведут ли его банально? Но шестое чувство не оставляло места для сомнений: надо идти!

Легкий мандраж прокатился по телу – перед ним открывались самые заманчивые перспективы! Конечно, он общался с оппозиционерами, бывал на митингах, но никогда не участвовал в партиях, организациях, движениях. Не пробовал себя в качестве активиста или агитатора. В глубине души Саша не вполне доверял профессиональным политикам – властителям душ, повелителям масс, считая их пеной поднимающейся на гребне народного гнева. Теперь ему в руки шел отличный шанс узнать, как устроен этот мир изнутри. Мир больших посулов и грандиозной лжи. Может статься именно ему, Саше, удастся вытащить Россию из той глубокой ямы, в которую она попала? «Схожу и посмотрю, чего я теряю?» – убеждал себя он. «Не понравится – уйду!», – решил Саша.

Мужчины с Марса, женщины с Венеры.

«Так вот она какая…» – в дневном свете она казалась еще более прекрасной, чем в полумраке ночного клуба. Она зашла пританцовывая в красном приталенном пальто и бежевой вязаной шапочке и осмотрелась, играя мягкой озорной улыбкой. Ее лицо – округлое, подвижное, с розовыми ямочками на щеках и влажными зелеными глазами сияло ангельской чистотой и нескрываемой чувственностью, как будто сам Господь решил поиздеваться над мужчинами, сотворив абсолютно безупречный экземпляр. Чем-то она напоминала Уму Турман из «Криминального чтива», с той разницей что та походила лишь на грубое подобие оригинала. Девушка настойчиво водила глазами, ища кавалера, и Саша помахал ей рукой. Подбежала, рассеянно улыбнулась, подставила щеку для поцелуя: – Прости, задержалась!

Откровенно говоря, он не вполне представлял себе кого ждет – проспавшись после вечеринки, он не многое помнил, окромя того, что встретил накануне в баре прекрасную чаровницу-волшебницу с бездонными глазами и цифры. Цифры ее номера. Косой свет падал на стол, застеленный плотной белой скатертью, официанты деловито носились с подносами, разнося по ресторану дивные гастрономические запахи, Бог-отец в окружении пухлых серафимов и девушек-ангелов внимательно смотрел с большой, на всю стену, фрески (повторяющей сюжет сотворения мира из Сикстинской капеллы) на Адама, вытягивая мощную длань. Под ним красивым романским шрифтом была выведена надпись: «Novus ordo seclorum» Сердце молодого человека растаяло. «Вот так и всегда, как начнешь прощать..» – подумал он.

– Легко нашла?

– Конечно! Я долго собиралась, знаешь, как это бывает у девушек! – она вскинула извиняющийся (без сожаления) взгляд.

Саша разволновался. Пульс отбивал чечетку, казалось, что стук его разносится по всему ресторану, перекрывая ровный гул внутри помещения и гам снаружи. Он перевел взгляд на скатерть. Взглянул в окно. Наконец, он догадался взять со стола меню и принялся его изучать.

– Ты голодная? – позаботился молодой человек.

– Я бы поела, – призналась девушка.

Саша предложил взять большую пиццу с морепродуктами под сливочным соусом, вялеными помидорчиками черри и пармезаном. Алина согласилась. «Слава богу, она не веганка! – обрадовался Саша. – Это хороший знак!»

– Бокал кьянти?

– Что это?

– Вино красное, итальянское.

Девушка мягко склонила овальный подбородок.

– Как прошел день? – начал светский разговор Саша.

– Все хорошо, – и снова эта рассеянная полуулыбка, – проснулась, позанималась домашними делами и пришла!

– Ты питерская?

– Нет, из Тихвина. Это Ленобласть, недалеко отсюда. Всего часа четыре на маршрутке.

– Да, близко. Давно в Петербурге?

– Пять лет, а ты?

– Я из Новосибирска, уж семь лет как переехал. – сообщил смущенно-горделиво. Он и любил и стеснялся своей далекой малой родины.

– Сибирь! – ее глаза сверкнули изумрудами, – Я никогда там не была.

– Там хорошо. – мечтательно сказал Саша, – Поля, леса…

– Поля, леса… – повторила девушка. И махнув водопадом рыжих волос резко вскочила. – Сейчас вернусь!

Разговор очевидно тух. Его обычно подвешенный язык вяз в ней как в наваристом бульоне. Черт бы подрал эти первые свидания! Сидишь, как дурак, перед привлекательной, но бесконечно чужой самкой человека и не помнишь как рот открывают. «Надо попробовать произвести на нее впечатление!» – решил он.

Подошла, вильнула бедрами, стрельнула глазами. Красотка! Не откладывая планов в долгий ящик Саша скороговоркой выпалил, что работает в тренинговом агентстве старшим менеджером, занимается коучингом и консалтингом, вскоре сам станет тренером, откроет фирму, снимет офис, наймет сотрудников, что клиенты выносят мозг, что продавать бывает сложно, особенно когда клиенты не хотят покупать, но для него нет неразрешимых ситуаций, потому что он – лучший продавец в Санкт-Петербурге, делает для своей компании больше половины выручки, может продать даже лысого черта, ведь у него – талант.

– А я по дороге домой, под машиной, такого котенка видела, маленького, черненького, с белыми ушками. Он пищал! Я хотела забрать его домой, но не взяла. Жалко! – перебила она Сашу.

«Странная девица. Придуривается что-ли? Ясно одно – ее абсолютно не интересует моя работа… Симе было интересно, да где она сейчас? Попробую другой заход». Глаза Алины с любопытством скользили по стене. Приглядевшись внимательно к фреске, Саша заметил – в протянутой руке Бог-отец держит смартфон с ущербным яблоком на логотипе.

– Интересно какой модели у него iPhone? – пошутил он.

– Не знаю, – растерялась Алина. – Но это очень неприятная картина! А почему яблоко надкушено?

«Издевается?»

– Это логотип «Apple», американской фирмы – производителя айфонов и «маков»! – он горделиво продемонстрировал девушке надкушенное яблоко на своем телефоне.

– Ах, да? Прости, я в этом не разбираюсь! – она в извинительном жесте склонила голову, продемонстрировав тонкую шею, и принялась накручивать локоны на пальчик с выражением «ну что ты хочешь от блондинки» на нежнейшем лице.

«Вправду глупенькая или стебется? – недоумевал Саша, – Может, ей так в глянцевом журнале рекомендовали?»

– А в чем ты разбираешься? – сделал Саша еще попытку.

– В разном, – она явно не вдавалась в подробности.

– У тебя есть «фейслук»? Или «контакт»?

– Нет, я этим не пользуюсь.

– А пинтаграм?

– Это сколько?

– Не сколько, а что. Это приложение такое для фоток.

– Приложение к чему?

– Не к чему, а где! В смартфоне!

– Нет, зачем мне. Мне это не интересно, у меня и смартфона нет. – Она продемонстрировала Саше старинную «нокию» с малюсеньким ч/б экраном.

– Ты что, не используешь интернет? – поразился Саша.

– Да от него только в глазах мелькает, – отмахнулась Алина.

«Она же просто дура!» – наконец осознал Саша. «Не использовать интернет в наши дни – это надо быть идиотом. Пора заканчивать этот цирк и идти домой. Дождусь только пиццы, раз заказал». Загадка разрешилась, волнение прошло, ему полегчало.

– Ты видимо любишь смотреть телек? – предположил он.

– Нет, этот говорящий ящик мне тоже не интересен!

– А что тебе вообще интересно?! – рассердился он.

– Таро, – призналась.

– Что это?

– Гаданье. На картах. Специальных таких картах! – она достала из сумочки потрепанную колоду. Он с любопытством принялся рассматривать интригующие, мистические, потусторонние изображения: египетский божок, сердце, проткнутое кинжалами, танец веселых скелетов, старец с клюкой и глаз в огне!

– И что ты там видишь? – он недоуменно пожал плечами.

– Все вижу. Вообще все.

– Погадаешь мне?

– Если хочешь!

Официантка поставила на стол блюдо с горячей пиццей, распускающей гастрономические ароматы так, что желудочный сок взбодрился и забулькал, и два высоких бокала вина. Они до половины просвечивали красивым рубиновым цветом. Саша поднял бокал за тонкий стебель.

– Подожди, – остановила его Алина, – вначале закончим с гаданием. Если я выпью, то алкоголь не позволит мне настроиться на пространство.

Она стасовала колоду.

– Загадай ситуацию!

– Какую? – недоуменно спросил молодой человек.

– Любую. Ту, на которую желаешь получить ответ. Или можешь просто погадать на жизнь.

Саша задумался. Можно было, конечно, погадать на саму Алину. Что может случиться между ними. Но, во-первых, она может просечь, если она такой экстрасенс, во-вторых он не желал вмешиваться в работу провидения.

– Давай на жизнь.

– Хорошо. Подсними и тащи.

Саша аккуратно срезал пол-колоды и, положив под низ, отдал верхнюю карту Алине. Она пристально взглянула на изображение, затем на него.

– Тебе выпал Паж жезлов! Интересно, интересно… Грядет много событий… Паж жезлов – придворная карта, вероятно ты встретишь или уже встретил… – уголки ее рта почти незаметно поднялись, – человека, который изменит твою жизнь. И много других захватывающих и увлекательных приключений!

Она достала книжечку с комментариями и открыла на нужной странице:

Паж жезлов

ОСНОВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Паж жезлов – вестник, а вестники открывают новые возможности на жизненном пути. Это перспектива выйти за рамки привычной сферы интересов, приглашение к приключению, требующему смелости и желания рискнуть. Не исключены участие в конкурсе, спортивном соревновании, какой-то случай проверить свои силы, совершить маленькое «открытие Америки».

РАБОТА

Вам предложат или уже предложили что-то интересное, и вы будете рады принять это предложение. Новое задание, дающее возможность блеснуть своими способностями, новое место или должность, поездка за границу, что-то очень привлекательное. В любом случае – рост. Даже если задача окажется трудной, взяться за нее стоит.

СОЗНАНИЕ

Вас ожидают открытия, расширяющие кругозор. Что-то, на что вы раньше не обращали внимания, вдруг откроется с неожиданной стороны, увлечет в новую и незнакомую область. Это может быть книга, спектакль, концерт, лекция, семинар, просто интересный разговор.

Карта может означать и необходимость решать бытовые вопросы, в связи с чем возникнут новые идеи.

ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Вас ждет что-то весьма увлекательное. Это может произойти и в устоявшихся отношениях, которые станут богаче и интереснее, а возможно и новое знакомство, некое приключение, сулящее неизведанные формы отношений.

– За новую работу, открытия, расширяющие кругозор и неизведанные формы жизни! – поднял Саша бокал. Молодые люди чокнулись и выпили. Может это был запах пиццы, а может перспектива новой жизни, но Сашины вкусовые рецепторы раздраконились не на шутку. Креветочки и кальмары сочились пармезаном – аромат стоял такой, что голова кругом.

– Поедим? – Саша больше не мог терпеть.

– Вперед! – Алина аккуратно сняла с тарелки и поднесла ко рту не успевший остыть треугольник. Они еще раз чокнулись и выпили.

– За встречу!

– За знакомство!

Коннект установился, разговор заладился и молодые люди, увлеченные беседой, сами не заметили, как доели пиццу, выдули вино и заказали еще по бокалу.

– Ты любишь путешествия? – интересовался Саша.

– Люблю, но я нигде не была! Только дома и в Питере. И в Выборг однажды ездила.

Пылинка грусти в ее глазах.

– А в Москве была?

– Никогда.

Смущенная застенчивость на щеках.

– Какой у тебя любимый сериал?

– Я не смотрю сериалы!

Морщинка раздражения между глаз.

– Как же ты развлекаешься?

– Я люблю читать. И гулять.

Искринка нежности здесь и сейчас.

– Как тебе последний роман Пелевина?

– Кто такой Пелевин?

Пылинка грусти в ее глазах.

– Так что же ты читаешь?

– Фантастику. Мистику. Эзотерику. В детстве я очень любила сказки.

Смущенная застенчивость на щеках.

– Какие?

– Русские, египетские, вавилонские, греческие… Знаешь такую книжку – «Легенды и мифы Древней Греции»?

Смеющиеся ангелы в небесах.

– Не знаю.

– А Блаватскую читал? «Тайную доктрину»?

– Кто это?

– Основательница Теософского общества, ученица братства тибетских махатм.

Осколки вечности в ее волосах.

Саша постеснялся спросить, кто такие махатмы и попросил счет. Теперь он был очарован. «Какая необычная девушка!» – раз за разом повторял он про себя.

Солнце уже клонилось к горизонту, осеняя разреженным светом несущий на себе печать проклятия Михайловский замок, рикошетом отскакивая от вод Фонтанки, радуя отвыкших от него за зиму прохожих бледно-хилыми, еле теплыми лучами. Наслаждаясь игрой тени и света на фасадах зданий молодые люди направились к Летнему саду. Они долго стояли возле миниатюрного памятника Чижику-Пыжику, смотря на воду – там с гвалтом и гомоном носились утки: десятки, сотни уток, очевидно выбравшихся из зимних укрытий на первый весенний променад, или вернувшиеся из «дальних стран», в коих они зимуют, как написано в учебнике естествознания. Саша, конечно, ни на секунду не верил в способность этих жалких урбанистических созданий к таким дальним путешествиям, задаваясь вопросом: «Где же эти несчастные птицы проводят зиму?»

– Пошли! – позвала Алина.

– Куда?

– Увидишь!

Она схватила его за руку, и они припустили вниз по Пестеля, до продуктового магазина, где она купила огромный свежий батон. Вернувшись к уткам, она принялась кидать им крупные ломти, те бомбочками приземлялись на воду, и сразу вокруг них образовывалась маленькая заварушка из вечно голодных птиц. Утки крякали и дрались за добычу. А тем временем уже новый аппетитный кусок падал на них с неба, и они мчались ему навстречу, на глаз рассчитывая траекторию. Вечерело. Травя шутки анекдоты, болтая ни о чем, молодые люди дошли до «Чернышевской». Настала пора прощаться.

– Ты славный! – Алина обняла парня. Ее тело дышало нежностью. Саше захотелось в нем раствориться.

– Сходим на днях в кино? – взволнованно предложил он.

– Посмотрим… – неопределенно обронила она и, приняв поцелуй, исчезла за раскачивающимися дверями метрополитена.

Две тонны сексизма

– Будем знакомы, Екатерина! – шатенка с короткой стрижкой и наглой веселой улыбкой подала ему руку, не отрываясь от телефона. Широкая рубашка в крупную бело-синюю клетку, бесформенной тряпкой свисала на бедра, но тем не менее не могла скрыть внушительный бюст хозяйки. На грубых походных штанах нахохлившись сидели многочисленные карманы.

– Саша, – ответил он легким рукопожатием, присаживаясь за серебристый столик. Грозовые тучи дирижаблями нависли над городом, ожидая сигнала к действию, но внутри модного кафе было тепло: интерьер заведения внушал разливающийся по внутренностям уют. Стены радовали глаз тем прекрасным оттенком оливкового, которым обладает только финская краска «Tikkurila», их украшали репродукции Мондриана и Кандинского, а на входе посетителей встречала крупная грифельная доска со скидками дня: круассан с ростбифом – 20%, кулебяка с лососем и сливочным кремом – 20%, бургер из камчатского краба – 50% ,смузи из шиповника с облепихой – 30%.

– Я ивент-менеджер общероссийского политического движения «Справедливость», занимаюсь организацией мероприятий в Петербурге.

– Очень приятно!

– Чем ты занимаешься, Саша?

– Я… – задумался молодой человек, – я.. сейлс и будущий бизнес тренер. Продаю, двигаю и обучаю техникам продвижения на рынок товаров, услуг, концепций..

– Пиарщик что-ли? – в ее голосе послышалось удивленное узнавание.

– Типа того.

– Так мы почти коллеги! – воскликнула она, – А ты.. знаешь чем мы занимаемся?

– Да, конечно, вы оппозиционеры. Вы занимаетесь политикой. Расскажите, за что вы боретесь? – перешел он сразу к самому интересному вопросу.

– Мы… мы боремся против всего плохого.. и за все хорошее! Против коррупции, антинародного режима и ущемления прав человека! Ты разве не в курсе, что происходит у нас в стране? Государство душит свободы граждан. Вспомни законы против митингов! А иностранные агенты? У меня недавно друга судили, хорошо, он только штрафом отделался – мы в соцсетях за полдня насобирали. А еще мы боремся против сексизма, расизма, фашизма, гомофобии, ксенофобии, трансгендерфобии, мизогинии, обусловливания гендерной ориентации, сексуальной объективации и прочего непотребства.

Саша раскрыл рот. – Разве у нас есть сексизм? – спросил через минуту.

– А ты не замечаешь? У нас повсеместный сексизм! Взять хотя бы это псевдо-джентльменство. Куда ни пойдешь – или дверь тебе откроют, или сумку предложат поднести. А это, между прочим, намек на слабость, пассивную роль в сексе и оскорбление. В цивилизованной стране с таким можно сразу в суд идти. Или последняя мода – мужчины носят бороды. Зачем? Если бородатый – значит подчеркивает свой гендер, оскорбляет женщину. Да это все равно, как если бы он хер наружу выкладывал! Эти бородачи в каждой женщине видят только мясо, тело!

«А кровь и лимфу видят?» – чуть не спросил Саша, но сдержался.

– И еще эти сальные шуточки – «с такими достоинствами больше никаких достоинств не надо»! И микроагрессии: «у вас так хорошо получается привлекать клиентов»! Еще бы у меня получалось плохо! Но в нашем патриархальном обществе мужики смотрят не на мои достижения, проекты и решения, прорывы и свершения, а на сиськи! Сиськи, сиськи, сиськи! Они все время смотрят мне на сиськи! – чуть не завизжала от огорчения Катя и со всех сторон на нее устремились заинтересованные взгляды. – Мужчины не видят во мне человека! Они видят во мне… сексуальный объект! – лицо ее сморщилась чернослив, и она чуть не расплакалась. Немного успокоившись, продолжила: – Я пришла к однозначному выводу – источник сексизма

– в яйцах! Да-да, в них самых, в мужских яйцах-тестикулах! Так что бороться надо с первопричиной!

– Как, кастрировать? – Саша инстинктивно сжал ноги.

– Можно и так! Я бы мужиков, которые смотрят на женщин, оскопляла прямо на Лобном месте! А остальные должны принимать препараты на понижение тестостерона! С яслей!

– А как же… мы будем воспроизводиться? – удивился Саша.

– В пробирке, конечно, методом генетического моделирования. Дай бог дожить! На айфончике задаешь параметры: рост, цвет глаз, пигмент кожи. Я бы себе знаешь какого ребеночка себе замутила? Девочку-блондинку! С синими глазками! Принцессу! И без грудей! Ну или первый размер… Чтобы не страдала моя деточка… как я! – она с сожалением и брезгливостью опустила взгляд туда, где волнообразно вздымались два внушительных холма. Глубокая морщина прорезала ее лоб. – Надо как-то это решать! Объективизация груди – очень серьезная проблема. Куда не придешь, все пялятся на бюст и улыбочка ухмыляющаяся на физиономии!

-- ВЫРЕЗАНО ЦЕНЗУРОЙ –

– О, привет! Мы заждались! – с воодушевлением поздоровалась Катя с пергидрольным блондином на гироскутере в обтягивающих джинсах Levi's, чуть не снесшим их столик с лица земли. Воздух наполнился густым ароматом Hugo Boss. Катино лицо расплылось в улыбке. Блондин спешился, оскалился и вильнул бедрами, небрежно кивнув. Он снял с головы массивные очки дополненной реальности и достал из кармана отливающий перламутром титановый спиннер. Пока Екатерина искала в кафе дополнительный стул, молодой человек молча глядел по сторонам, вертя его на пальце. Затем заказал смузи из брюквы с огурцом.

– Познакомься, Саша, это Петруша, – с гордостью представила Катя товарища, когда все наконец уселись. – А это Александр, наш новый коллега!

– Ах, вы и есть Александр! – Петруша энергично вступил в беседу. – Я встречался с вашим дядей в Москве, он обаятельнейший человек, скажу я вам, только малость старомодный! Но это, конечно, объяснимо, в силу возраста! Я так рад, что вы желаете работать вместе с нами! – высокий фальцет его голоса, проходя через нос, придавал звучанию приторные нотки, – В Питере народ такой безграмотный, такой аполитичный! Не то что в Москве, там на каждый митинг приходит минимум несколько тысяч человек. А у нас если полсотни явятся, уже удача. Сложно находить новых людей в команду. И это при том, что мы несем самые передовые, самые прогрессивные ценности!

– Да, да, – усердно поддакивала Катя.

Петруша приподнялся над столом и внимательно осмотрел присутствующих товарищей.

– Гайз, перед нами стоит задача организовать митинг! – серьезно и ответственно произнес, как будто от этого зависела судьба страны. – У нас есть время, но нельзя сидеть сложа руки! Время следует использовать для работы! Катерина, бюджет уже согласовали?

– Да, вчера утвердили смету.

– Огонь! Давай ее сюда!

Катя суетливо вытащила из сумочки свернутый вдвое лист А4.

– Так, так… План оперативных мероприятий! Мы должны провести артподготовку: запостить картинки на паблики в Контакте и Фейслуке.

– А в «Одноклассники» вы не постите? – перебил Саша.

– Какое, там одни старперы! – рассмеялась Катя.

– Хм-кхм, – прокашлялся Петруша, – где мы были? Итак, ребята на Фабрике накреативят прикольных мемасиков для групп и еще предусмотрен видеоролик! Саша, как у тебя с монтажом? Ты умеешь монтировать видео?

– Все хорошо, – признался он радостно. – Монтировать могу.

– Огонь! Это и будет твоим первым заданием. За неделю-две до митинга, пойдем клеить листовки – нельзя недооценивать роль наружной агитации! Будешь видос конструировать,

помни: наша целевая аудитория – молодежь! Молодежь – наше будущее, люди, не запачканные протухшей энергетикой совка. Не испорченные дефицитом колбасы. Не замаранные коммунизмом. Чистые, как слеза ребенка! Мощной струей снесет она эту постылую власть, принесет свободу и демократию в эту страну. Молодежь – двигатель революций! Молодежь —за открытое толерантное общество без воровства и коррупции! – ораторский пафос его иссяк и, выдохнув, он буднично сказал:

– Ты в ролике побольше там про коррупцию вставь, чтобы в глаза бросалось. Впрочем, материал мы тебе дадим, не бойся. Готов взяться?

– Да, – согласился Саша, но уточнил: – Работа оплачивается?

Петруша запнулся и вопросительно взглянул на Катерину. Та кивнула.

– Конечно, не бесплатно же ты работать будешь! Мы ценим профессионалов! За каждый сделанный тобою ролик получишь по двадцать тыщ рублей, нормально? А участие в подготовке к митингу – наша общая честь!

Саша кивнул и дважды кашлянул, всем видом демонстрируя неловкость.

– А какая тема митинга, я пропустил?..

– Как, мы тебе не сказали? Митинг называется «Против коррупции и за равные права!»

– Так против коррупции или за равные права?

– Не парься, это одно и то же. Когда у всех равные права, то коррупции не может быть по определению. А когда нет коррупции, все гражданские субъекты действуют в едином правовом поле, что, в свою очередь, предполагает равные для всех права. Еще вопросы есть?

– Нет, нет, – поспешил Саша, – впрочем, есть. Что делать-то?

– Надо сотворить королевский хайп! – уверенно заявила Екатерина. – Наша цель – не только вывести на улицы народ, но и создать сильный инфоповод. Мы выведем миллионы!

– Кать, а мы уведомление уже подали? – вернул девушку на землю Петруша.

– Пока рано, но подадим конечно, только вряд ли нам его утвердят… – скептически заметила та.

– Почему ты так думаешь?

– Так мы же заявим сто миллионов демонстрантов и шествие от Марсова поля до Дворцовой через Невский в середине дня.

– Тогда нас снова разгонят!

Вот и замечательно! Это то, что нам нужно. ОМОН, кровища, движуха и винтилово, – четыре слона политического пиара. Я заранее приглашу представителей всех западных и прогрессивных информагентств. Как только начнут винтить, набегут репортеры, новость подхватят журналисты, агентство «Ройтерс» заявит, что в Петербурге геев опускают, ой нет, угнетают, ой нет, простите, репрессируют, Совет Европы осудит, Госдеп наложит санкции! Наши блоггеры за запостят к себе в блоги, 1000 наших сторонников посты их лайкнут, 50 перепостнут, 3000 врагов напишут гадости, их увидят подписчики, среди которых 10 процентов пост лайкнут, и так далее. Мы устроим интернет-революцию! Что бы мы делали без соцсетей? Мы перевернем этот город! Тебе ли, Петруша, опытному пиарщику, это объяснять?

Об отечественном кинематографе

Кинотеатр, исполненный незадачливым архитектором в форме монструозного фрегата, был многолюден воскресным вечером. Снаружи задувал ветер, несущий из Финляндии подтаявшие хлопья снега, тающие при соприкосновении с землей. Парочки и одинокие прохожие спешили укрыться от непогоды в теплых креслах кинематографа. Зайдя в фойе Саша с тревогой повел глазами. И сразу как с сердца схлынуло – она здесь! Алина скромно притулилась в уголке возле касс, рассматривая входящих. Когда наконец добрались до мест, глубоко на «Камчатке», под самым проектором, реклама как раз закончилась, и на весь зал засиял лучащийся логотип «20-й век Фокс», за ним появилось квадратное: «При поддержке Министерства культуры Российской Федерации». Давали нашумевший отечественный блокбастер (как писала пресса, патриотический) – историческую драму про петровские времена. На Русь нападали шведы. На своих высоких, пропитанных дегтем и ладаном ладьях с задранными кверху носами, в рогатых кованых шлемах, несметными полчищами рвались они на землю русскую. Перед войсками на белом коне проскакал император – Петр I. «Не посоромим земли русской!» – воззвал он и его призыв имел эффект приказа № 227 «Ни шагу назад!» – волна за волной русские витязи отражали атаки басурманских викингов, кладя их тыщами. Рубилово, мочилово и звон мечей сотрясали пространство кинотеатра. Внезапно шум битвы сменился безмятежностью звездного неба. Проницательный мужчина в высоком парике с завитыми буклями, расписном камзоле, прошитом золотыми нитями, пышных розовых панталонах и высоких ботфортах мечтательно смотрел сквозь подзорную трубу на небеса. Это был Яков Брюс – сподвижник царя, астроном, астролог и маг. Поглядев на звезды, ученый муж переместился к столу и принялся выводить буквы пером на огромном, с письменный стол, пергаменте. Мелькали ять, фита и ижица. Чародей писал свою «Черную книгу» – средоточие тайн древней Руси.

Алина внимательно смотрела кино, увлеченная сюжетом. Она настолько вовлеклась в зрелище, что даже забыла про свой попкорн! Между тем, Саша, потягивая пивко, все больше интересовался девушкой, чем фильмом, лишь вполглаза посматривая кино. Ее близкое присутствие, тепло ее тела волновало и завораживало молодого человека. Когда Саша в очередной раз взглянул на экран, он увидел Брюса – тот как раз оторвался от своих ученых занятий и повернул голову. Саша вздрогнул и под сердцем у него закололо: ему почудилось, что чародей впился взором прямо в него и, как будто узнал его. Саша испытал мгновенное и мучительное дежавю. Внезапно, Яков Брюс исчез, а на его месте нарисовался кудрявый весенний лес.

– Могу тоби лобзати? – обратился молодой боярин Алексий к девице Ольге, прислонившейся к высокому развесистому дубу. Та одобрительно склонила голову в знак согласия.

Саша перенес кисть руки на территорию Алины и осторожно дотронулся до ее запястья. Девушка не среагировала, и тогда Саша, окончательно осмелев, соединил руки. Ее небольшая, покрытая гусиной кожей ладошка дышала негой, отдавая террабайты чувственности.

Алексий коршуном впился в пухлые губы избранницы и целовал ее страстно. Алина выпростала руку и сменила позу. Сашина рука безвольно повисла в воздухе.

«Она меня не хочет?» – мучился Саша.

Суровые шведские военачальники в панцирных кольчугах с топорами на вытянутых древках и рунами на щитах задумали послать в Московию диверсантов – они замыслили выкрасть «Черную книгу» и, проникнув в тайны Руси, разрушить Московское царство.

Рука Алины сдвинулась с места, слегка затронув Сашу локтем.

Но Яков Брюс, не будь дураком, разгадал замысел шведов и отдал сокровенный фолиант боярину Алексию на сохранение в тайном месте. И вот уже гонцы из Стокгольма в высокой горнице боярского терема предлагают Алексию сто тысяч шведских крон за «Черную книгу».

Задумался Алексий, закручинился. По кинозалу разнеслась тревожная музыка. Русь в опасности.

Алина поднесла еще ближе свою руку. «Она в курсе игры или увлечена фильмом?» – недоумевал Саша. Он дотронулся до ее ладони, их пальцы соприкоснулись.

Патриотизм торжествовал! Имитируя жест с советского плаката «Водку не предлагать», Алексий с гневом отверг вражье сребро, позвал стражников, те схватили шведских шпионов и посадили на кол. Разметались скандинавские кишки по Лобному месту.

Мягкие пальцы Алины уступили напору и переплелись с Сашиными. Сердце чуть не выскочило. «Она моя!»

Но хитроумные викинги и не думали успокаиваться – они выкрали младую невесту боярина и угрожают подвергнуть девицу позору и бесчестью, если Алексий не выдаст им место хранения книги.

Алина забрала руку и отпила из бутылки. Сашина ладонь осталась лежать на ее стройной волнующей ноге…

Включился свет. Экран погас. Хрипло залаял служебный пес. Солдаты в серой униформе ворвались в зал: «Получены сообщения о минировании кинозала. В целях безопасности всех просим выйти!»

Как? – выдохнул народ.

«Просим всех покинуть помещение!» – повторили военные. Разочарованные зрители потянулись к выходу. Саша с подругой внезапно оказались на залитой мокрой хлябью мостовой, ветер свистел в ушах. Оба были под впечатлением: Алина от фильма, Саша не пойми от чего – не то от фильма, не то от Алины, не то от виртуального минирования.

– Уверена, что он спас девушку и наши победили! – размахивая руками объявила Алина.

– Лучше бы взял баблишко, тогда и девушку не пришлось спасать! – возразил Саша.

– Но тогда шведы завладели бы «Черной книгой» и трындец нашей Руси! – возмутилась Алина.

– Так им не впервой, а Рюрик кто был? – парировал Саша.

– Не помню, – призналась Алина.

– Швед! Ладно, давай напьемся! – предложил Саша.

– Давай, раз все так запущено, – согласилась девушка.

В круглосуточном они взяли «Ягера» с набором посуды для внезапных алкоголиков и направились в ближайший сквер; там было пустынно, посредине возвышалась пустая детская площадка с домиком, миниатюрным скалодромом и горкой. Саша прямиком направился к ней.

– Ты куда? – удивилась Алина.

– На зиккурат!

– Ха! Шумеры, зиккурат… – мечтательно вспомнила девушка.

Они забрались под низкую деревянную крышу на вершине сооружения и распечатали боттл. – Ну, за встречу! Саша быстро хмелел, заливая в себя вкусное зелье, в то время как Алина пила помаленьку, стараясь сохранять трезвость ума. Но и ее неотвратимо накрывало, косило и несло. Похолодало, закапал дождь. Саша снял с себя куртку и укрыл обоих. Ребята обнялись, и в их маленьком совместном мирке воцарился окончательный сухой мир. Ладони их соединились, персты сплелись, а губы сблизились и соприкоснулись. И уже вскоре они безудержно целовались, доверившись неукротимому жару разгоряченных молодых тел. Оторвавшись друг от друга, они обнаружили, что бутылка пуста и отправились еще за одной. Впрочем, возвращаться не стали – Саша предложил поехать к нему. Алина колебалась: не дело это – давать на втором свидании. Но мальчик ей нравился, несмотря на его смешное увлечение электроникой, хотя что возьмешь с мужчин. В нем она чувствовала те первичные мужские качества, которые ценила, те что помнила от отца: энергичность, надежность, заботливость. Ее девичье сердце уже давно истосковалось по любви, алкало волнения и бабочек. По утопаю-

щему в ночной иллюминации городу такси привезло их на Петроградку, успев пересечь Неву до развода мостов.

Старая коммунальная квартира приветствовала молодых людей запахом затхлой древесины, бесполезно прожитой жизни, перегноем человеческого бытия. Легонько поскрипывали половицы в громадной прихожей, устало пылились книжные полки с корешками и то, что когда-то было совдеповским пианино «Лира». Саша приложил палец к губам. Ребята незаметно проскользнули в самую дальнюю по коридору комнату – там горел небольшой ночник с алым абажуром, заливавший багряным светом развешанные по стенам маски, африканские и венецианские, приобретенные Сашей на барахолке три года назад и придававшие помещению мистический вид. В комнате было уютно и чисто. Саша негромко включил мягкий лаунж на мобильнике.

– Давно снимаешь? – спросила девушка без особого удивления.

– Уже полгода.

– Как соседи?

– Ровные. Кроме ворчливой бабки, выносящей мозг по любому поводу, но бабку можно игнорировать. У входа живет какой-то мужик мутный, я даже не знаю его имени, а за стеной – молодая пара. Эти вечно трахаются по вечерам, очень громко, но к счастью, коротко.

Алина рассмеялась: – Вот исчерпывающее описание! А это что? – она напялила на себя красный конусообразный колпак палача, с позапрошлого Хеллоуина забытый на вешалке. Скинув верхнее, в одном зеленом шерстяном платье, девушка присела на диван. С ее тонкой шеи свисал крупный аметист, прозрачная кожа просвечивала, глаза посверкивали озорным огоньком. Сашу накрыло – в шутовской шляпе, с бесстыжей челкой, нависающей над длинными ресницами и вздымающейся под непослушной тканью грудью она выглядела как сущая ведьма. Саша испугался и его либидо спряталось. Он не представлял себе, как займется с ней любовью.

Желая спугнуть видение, Саша хлебнул еще «Ягера», но то и не думало испаряться. Тогда он решил заболтать его и принялся оживленно рассказывать о Васе из соседнего подъезда, который всегда гуляет со смешной таксой, или не таксой, а спаниелем, а может пуделем, или вообще котом, о старухе, считающей дни до смерти, принялся травить пошлые анеки про Вовочку и поручика Ржевского, но безрезультатно. Очень близкая и бесконечно далекая чародейка бесстрастно улыбалась, выслушивая пошлости и стреляя глазами. Она привлекала и отталкивала одновременно. Подсев ближе Саша снял с нее колпак. Он поцеловал ее в губы – в этот раз они показались ему ледяными. Осмелев, он решил идти на абордаж, полез под платье, лифчик. Она не возражала, но и не помогала ему, позволяя мужчине, но не участвуя. Стянув с девушки одежду Саша не поверил глазам своим. Настолько прекрасна она была, что красотки его юности с обложек «Плейбоя» меркли от стыда и сворачивались в трубочки, не выдерживая конкуренции. Саша разнервничался. Его настойчивые руки щупали и сжимали выпуклости, губы целовали набухшие соски, а пальцы искали скрытые ложбины. Но все зря: сердце билось как перфоратор, член скукожился от страха, тело трясло. Он еще некоторое время потискал ее пассивную плоть, но без толку – оба устали от тщетных ласк. Саша обнял девушку и отключился, и только тогда пару настигла давно желанная гармония – они в унисон дышали в ритме сна.

Наутро, протерев глаза, Саша обнаружил себя в одиночестве. Голова раскалывалась. Саша полез в шкаф за лекарствами. На айфоне он нашел смску «Доброго утра! Спасибо за встречу. Не ищи меня!»

Искусств, неторопливо наблюдая за безрассудно взбалмошным, перманентно романтичным Александром Сергеевичем в развевающемся плаще. Александр Сергеевич замахнулся рукой. Щас ка-а-ак выдаст по щщщам! Этой занесенной конечностью Александр Сергеевич до крайности напоминал Владимира Ильича: вероятно, скульптор увлекся, работая по шаблону. Из колодца памяти всплыло:

Цыпленок пареный
Пошел по улицам гулять.
Его поймали,
Арестовали,
Велели паспорт показать.

– Я не кадетский,
Я не советский,
Я не народный комиссар.
Не агитировал,
Не саботировал, —
Я только зернышки клевал!

А на бульваре
Гуляют баре,
Глядят на Пушкина в очки:
– Скажи нам, Саша,
Ты – гордость наша,
Когда ж уйдут большевики?

– А вы не мекайте,
Не кукарекайте, —
Пропел им Пушкин тут стишки, —
Когда верблюд и рак
Станцуют краковяк,
Тогда уйдут большевики!

Стишок этот древний Саша помнил сызмальства от деда Никодима, потомка древнего боярского рода Литвиновых, давно обосновавшегося в Москве. В свою очередь деду этот стишок рассказывал его отец, Сашин прадед, сидючи на сосновом крыльце собственноручно построенного сруба в Усть-Илимске. В 28-м году семью деда сослали на Ангару, откуда через семь лет им удалось перебраться в Новосибирск, называемый тогда сибирским Чикаго, с легкой руки наркома Луначарского. Антибольшевистские настроения и угрюмые причитания о национализированных доходных домах в столице не пошли прадеду впрок и в 37-м он ушел по этапу, с которого так и не вернулся. К тому времени как Сашин отец, Сергей, появился на свет в родильном отделении центральной клинической больницы СО РАН, семья уже жила в Академгородке в «трешке», полученной дедом за верную службу в ракетном конструкторском бюро. Бабка – еврейка, хоть и не признавалась, тоже из ссыльных, всю жизнь перебирала бумажки в каком-то ведомстве, как позже выяснилось – НКВД. Дед Никодим рассказывал, что стишок про цыпленка был популярен в предреволюционной Москве и относился к скульп-

туре, украшавшей Тверской бульвар, а с тех пор много воды утекло, скульптура переехала на Страстной, но какая разница? Большевики ушли, баре гуляют а Пушкин остался. Еще двадцать раз поменяется власть в России, а Пушкин так и останется стоять, размышляя над судьбами земли русской – «Кто устоит в неравном споре: кичливый лях иль верный росс?»

«Да, известное дело, Пушкин – наше всё! Стихами Пушкина русский человек дышит, признается в любви, воспитывает детей и прощается навек, с ними же он возвращается домой спустя годы. Также Пушкин помогает русским выносить мусор, прибивать полочки и платить по коммунальным счетам. Поэтому в городе Пушкина – Санкт-Петербурге не поскупились на память. Пробовал кто-либо посчитать количество памятных мест Пушкина в Петербурге? Пушкин отметился повсюду: на Английской набережной в особняке Лавалей он читал Бориса Годунова, на берегу Фонтанки гостил у Тургенева, у дома № 10 по Коломяжскому проспекту он стрелялся, а Царское село, где он учился в гимназии, так и называется – город Пушкин. Каждый шаг маркирован. Не хватает только табличек в местах, где поэт испражнялся и совокуплялся. Кстати, где он этим занимался? На набережной Мойки, 12 он отдал концы после ранения. Наверное, и совокуплялся тоже», – думал Саша, вполглаза разглядывая панков, вольготно расположившихся кто с пивком, кто с водярой на окрестных скамейках. Своими зелеными ирокезами, красными ботинками, черными косухами они прекрасно дополняли классическую композицию площади Искусств, – Пушкину бы понравилось, – почему-то решил Саша, – тоже юморной был парень! – и, встав с места, отправился в ближайший ларек, коих на соседних улицах было множество. Смертельно тянуло выпить. Настроение опустилось ниже плинтуса, хоть давись! Даже то, что с утра, нежданно-негаданно, объявилась Сима и предложила встретиться «для поговорить», не спасло ситуацию: теперь Саше и думать не хотелось об этой напыщенной гламурной профурсетке. Все Сашины мысли и чувства занимало лишь одно, точнее, одна – волшебная рыжая чаровница с бездонными малахитовыми глазами. Это ж надо было так лохануться! Такого нелепого, унизительного фиаско у Саши еще никогда не случалось! Конечно, она приняла его за импотента! Увы, дерьмо происходит и когда-то оно происходит в первый раз. Саша растерял весь позитив, расплескал самоуверенность, его ЧСВ надломилось и стремительным домкратом неслось вниз по наклонной. Требовалось срочно принять хоть что-то для подъема духа.

– Можно мне вооон тот черно-красный фанфурик? – Саша указал на полку.

– «Ягуар»? Сколько? – догадался таджик за прилавком.

Банки с токсичной ледяной жидкостью посыпались в рюкзак. Вернувшись на скамейку, Саша звонко выломал крышечку и залил в себя яду. Как кувалдой по башке.

– Огонек найдется? – подгреб странный типчик – длинный, с наголо бритой башкой, впалыми щеками и нездорово блуждающим взглядом. Он подсел к Саше и дохнул перегаром. «Панк? Или скин? Может антифа?» Черная шинель парня отблескивала значками всех направлений – там были и «Анархия» в круге , и сведенный кулак White Power, и перечеркнутая свастика, на потертом рюкзачке крикливо выделялась броская нашивка «Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь» с черепом и костями.

Саша чиркнул зажигалкой.

– А выпить?

Саша протянул банку – на, пей, не жадный. Панк ненасытно припал к жестянке. Сделав несколько конских глотков, он отошел, не затруднив себя благодарностью. Впрочем, вскоре он вернулся, на этот раз с пузырем и пепси.

– Жругр! – представился панк, разливая водку.

– Жругр? – изумился Саша. – Это что, кликуха такая?

– Да. Кликуха. Хотя некоторые называют меня Говном, в честь сорокинского персонажа из «Тридцатой любви Марины», потому что я блюзы петь люблю. Но мне это не нравится. Я

всем Жругром представляюсь, потому что я Россию спасаю.., – меланхолично протянул он. Можно было подумать, что спасать Россию было для него абсолютно будничным делом.

– А, ясно! – с понимающей издевкой кивнул Саша. – А меня можешь звать просто Александром.

– Санек, что-ли? Ты кто будешь по жизни, Санек? – требовательно спросил панк.

– Я сейлс. Продажник то есть.

– Телефонами торгуешь?

– Нет, чертей продаю.

– Лысых?

– Как ты знал?

– У меня братуха тоже сейлс, так он всегда так говорит – могу и черта лысого продать.

– О! И у нас в офисе так говорят!

– Конечно говорят, это же профессия ваша бесовская. А я розамировец.

– Это как?

– Про Розу Мира слышал?

– Нет. Что это?

– Это телега такая. Был такой визионер, Андреев Даниил, сын Леонида, писателя, того что «Рассказ о семи повешенных» написал, помнишь, в школе проходили? Так вот, Андреев этот при Сталине по лагерям мыкался. А кто его туда засадил? Да конечно, Хрущев! Который позже убил Сталина и сбросил маску, показав атлантическое нутро свое ревизиониста и оттепельщика. Значит, уицраор русский, предвидя гибель свою, все предусмотрел и книжку Андрееву надиктовал. Так появилась на свет «Роза Мира» – повествование о судьбах народов и цивилизаций; описание сфер высших и низших; сказ о церкви всех церквей, что наступит после нисхождения на землю богорожденной монады, прекрасной девицы Звенты-Свентаны, которая спасет наш мир от падения во Врата Ада, – он хлебнул водки, запил колой и заключил: – Так вот я в ней участник.

– Секта какая-то? – с опаской покосился Саша.

– Не то что секта… – замялся Жругр. – Каждый сам по себе. Наша миссия – совершенствоваться и бороться со злом! – глаза его блеснули.

– А зло откуда?

– Как откуда? С Запада, конечно! Прямо сейчас, в эти самые минуты, в Шаданакаре – на планете Земля – полным ходом идет борьба добра со злом. Заканчивается Золотой Век Покоя, начинается великая битва. Иисус Христос не завершил свою миссию. Эта незавершенность повлекла за собой ренессанс, реформацию, французскую революцию, атеизм, материализм, агностицизм, неолиберализм и технократию – стремительный взлет красного всадника Апокалипсиса. Так что все эти технические новинки – гаджеты, айфоны, планшеты, электронные браслеты, умные часы, холодильники с дистанционным управлением, расчески с Wi-Fi, вживляемые чипы и массажеры-роботы – всё от лукавого!

Он достал из кармана китайский шестидюймовый «андроид» и покачал им в руке. – Вот он, инструмент дьявола! – легонько подбросил гаджет в воздух и пнул его на лету сапогом, тот отлетел куда-то в кусты.

– Знаешь, как они на западе живут? – продолжил Жругр, не забывая наливать. – Зажрались и вешаются со скуки. А кто не вешается, те на педерастических оргиях химией ширяются и в очко долбятся, другие это на видео снимают и в пинтаграм выкладывают, а третьи в онлайне комментируют и советы дают. Это непотребство Веб 2.0 называется, я в журнале «Технология» читал. Так вот, с запада через глобальные сети хотят и нам эту нечисть внедрить. Даниил Андреев, великий человек, происходящее сейчас предвидел и описал еще в 58-м году! Слушай!

Он полез в клумбу и достал из кустов гаджет – как ни странно, тот работал.

– Непробиваемый! – похвастался панк. Открыл нужный текст и с выражением зачитал:

– «Жажда власти и жажда крови тайно шевелятся на дне многих душ. Не находя удовлетворения в условиях социальной гармонии, они толкнут некоторых на изобретение доктрин, ратующих за такие социальные и культурные перемены, которые сулили бы в будущем удовлетворение этих неизжитых страстей. А других будет томить скука. Она перестанет быть гостьей, она сделается хозяйкой в их душевном доме, и лишённое коллизий общественное бытие начнёт им казаться пресным. С тоской, с раздражением и завистью будут эти авантюристические натуры знакомиться по книгам с насыщенной приключениями, столкновениями, преступлениями и страстями жизнью других эпох. И чем сытее, благополучнее будет их существование, тем мучительнее начнёт язвить этих людей связанность сексуальных проявлений человека путами морали, религии, традиции, общественных приличий и стыда.

Освобождение от уз Добра – вот каково будет настроение многих и многих к концу Золотого Века: сначала – подспудное, а потом всё откровеннее и требовательнее заявляющее о себе. Человечество устанет от духовного света. Ему опостылит добродетель. Оно пресытится мирной социальной свободой – свободой во всём, кроме двух областей: сексуальной области и области насилия над другими. Заходящее солнце ещё будет медлить розовым блеском на мистериалах и храмах Солнца Мира, на куполах пантеонов, на святилищах стихиалей с их уступами водоёмов и террас. Но сизые сумерки разврата, серые туманы скуки уже начнут разливаться в низинах. Скука и жажда тёмных страстей охватят половину человечества в этом спокойном безвластии. И оно затоскует о великом человеке, знающем и могущем больше всех остальных и требующем послушания во всём взамен безграничной свободы в одном: в любых формах и видах чувственного наслаждения. Жаждать власти будут сотни и тысячи. Жаждать сексуальной свободы будут многомиллионные массы».

«Роза Мира». Книга XII. Глава 4.

Панк засунул смартфон в карман, приложился к бутылке и торжествующе посмотрел на Сашу.

Теперь врубаешься? Весь этот радужный разгул в СШАиЕ, гей-парады, фестивали наготы, марши шлюх, радужные флаги на фонарях – это оно и есть. Люди готовы слушаться ЗОГ, масонов, иллюминатов, кого угодно, лишь бы им позволили удовлетворять свою похоть в различных экзотических формах. Но кукловодам мало трахать своих людей, свои народы, им, видите ли, как в 41-м, не хватает жизненного пространства! Теперь они пришли и по нашу душу! Они вкладывают бешеные бабки в НКО, институты, университеты, соцслужбы, чтобы те выпускали работы и исследования, убедительно доказывающие, что возможность чпокаться в задницу есть высшая ценность и неотъемлемое право каждого гражданина. А знаешь, зачем им это надо? – его глаза сузились. – Так они внимание отвлекают! Пока небыдло в афатическом припадке борется за права, курит траву и приходует друг друга в анус, они работают. За власть! За мировое господство. Каждая банка «Пепси», что ты пьешь, – копейка в их копилку!

Он резко скрутил опустевшую жестянку в ладонях и, кинув ее на грязный от окурков гравий, с ненавистью раздавил кованым ботинком. Банка истошно захрустела. Жругр заглянул Саше прямо в глаза, в его горящем взгляде еле заметным огоньком тлело безумие.

– Это сам Антихрист ведет нас в последний путь!

– А СШАиЕ – это что? – только и смог спросить офигевший Саша. «Интересно, это он под веществами или просто ебанутый?»

– Соединенные Штаты Америки и Европы, – скривился панк.

– И что, по-твоему, следует делать?

– Как что – ясен пень! Бороться! Бороться с ними всеми возможными способами. На днях мы одному пиндосу занесли звездюлей, надеюсь, его теперь домой отправят… – панк ухмыльнулся, – в белых тапочках.

Сашин взгляд непроизвольно скользнул по обуви собеседника. В высоких кожаных берцах крест-накрест сплетались грязные белые шнурки. Перед глазами промелькнули бритые головы, тяжелые ботинки, мелькающие кулаки и харкающий кровью американец.

– Это случаем не на Ломоносова было?

– Да, где-то там. А ты откуда знаешь? Видел, что ли?

Саша замешкался, но не решился выдать себя.

– Нет, в газете читал.

– А-а-а, – протянул панк, – ну да, у нас о таком любят писать.. У нас в России – все СМИ ими куплены! – зрачки его расширились и панк пристально посмотрел на Сашу круглыми, как беляши, глазами.

– Кем «ими»? – удивился Саша.

– Неолибералами, масонами, педерастами и прочей нечистью. Имя им легион. Сейчас они на марше, они атакуют. Их оружие – психический пиар. Они выкупают весь контент и действуют людям на мозги, пока те не сходят с ума. Они внушают людям, что тем позарез нужны некие права, и когда они эти права получат, все станет просто заебись и трава зеленая по зиме. Наевшись сполна этих идеоформ, люди превращаются в зомби, выходят на улицы и принимаются орать: «Права! Свобода! Еще прав, еще свободы!» И чем больше они орут, тем меньше у них прав. Чем больше беснуются, тем меньше у них свободы. И тогда они становятся злокачественной опухолью на русском эгрегоре, аутоимунной болезнью на теле русской души. Организм уничтожает сам себя.

К счастью, – утешил он, – есть закон 14 процентов. Общее количество бесноватых никогда не превышает этого числа, но будучи бешеными, эти 14 очень опасны. Они желают разъесть ткань русской метакультуры и сгноить ее живьем. И тогда придет Антихрист и объявит себя Богом. Заставит поклоняться себе лестью, обманом и чудесами. Недовольных сошлет в ГУЛАГ, а упорствующих поставит к стенке. Он разрушит установленный Богом порядок, смешает мужчин и женщин, будет издеваться над законами божественными и человеческими, и надолго погрузит мир во тьму. Но мы, свидетели и участники Розы Мира, не дадим им прорваться! Нас много, и мы в тельняшках! – заключил панк, хотя надета на нем была черная толстовка с буквой А в белом круге.

– Но как вы друг друга узнаёте? Своя система явок и паролей?

– Нет, это невозможно. Все тайное становится явным. Любые знаки рано или поздно будут раскрыты, и тогда наши враги организуют нам ночь длинных ножей. Мы узнаём своих по взгляду, по ярким глазам. Служители Розы разные, и только воля к спасению позволяет нам объединяться и узнавать друг друга.

– А к вам каждый может записаться… в розамировцы? Ну, вот я, например?

– Нет, – с сомнением покачал головой панк. – Ты не можешь. И никто не может. Во-первых, это не организация. Во-вторых, туда не записываются. Многие носят это в себе, в виде кокона, зародыша, но никто не знает, куда повернет сознание. Человек может попасть под влияние нечисти и превратиться в зомби, а может прозреть и влиться в Розу Мира. Это индивидуальный выбор, и рано или поздно каждому придется его сделать. Но большинство людей представляют собой не определившуюся массу, их сознание спит.

– А я кто? – заинтересовался Саша.

– Ты? – панк пригляделся внимательнее. – Тебя не разберешь. Я вижу вокруг тебя разные энергии, – он взглянул на Сашу как Ванга с обложки журнала «Луч», а голос его заиграл торжественными нотками, – Вижу святых и зомбаков… – Сашу разобрал смех, но он не подал вида. – Да на тебе штамп некуда поставить, как в использованном загране! Так что где ты закончишь свой выбор – хрен знает, у тебя все еще впереди.

– А что ты думаешь про ту.. ядерную атаку? – не сдержался Саша, – она на самом деле…?

– Хахаха – заржал Жругр, – атака, третья мировая, дефолт! – Это все Стэбинг, сука, стебется, не зря его так прозвали! Скажу тебе по секрету: уицраоры борются как бульдоги с носорогами под ковром, а нам по ходу прилетает. Но если наш проиграет нам всем хана.

Он замолчал и опустил голову, рассматривая что-то снизу.

– Видишь, – он показал на шнурки, сухими заскорузлыми обрезками торчащие из берцев, – совсем запачкались! А были белые, как первый снег. Я чем только их не мыл: отбеливателем, хлоркой, перекисью водорода – все бесполезняк! Не могу нигде найти таких шнурков! Черные, коричневые, зеленые, фиолетовые, да хоть буро-малиновые, только не белые. У тебя не завалялись?

Саша взглянул на ботинки, затем на Жругра: тот был искренне огорчен. Внезапно Сашино внимание приковала необычная татуировка у Жругра на шее: маленькая осьминожка с щупальцами, расположившись прямо над ключицей, с любопытством взирала на Сашу выпученными глазами-точками.

«Как живая!» – поразился Саша.

– Не… Откуда у меня. Но если я найду, принесу тебе, – пообещал Саша, не в состоянии оторвать взгляд от странной татушки.

– Ну вот, так и знал! – огорчился Жругр, – И на том спасибо! – он жадно приложился к бутылке. Последние капли улитками сползали со дна сосуда в рот, прилипая к стеклу. – Так и есть! Бухло кончилось! – обреченно сказал. Немного подождал и добавил жалостливо: – Брат, а у тебя сто рублей не найдется? Еще выпить надо!

Встряхнувшись, Саша достал стольник и вручил панку, проверил мобильный. Сердце предательски застучало – его ждало новое сообщение от Алины:

«Ближайший час буду в Михайловском. Подходи».

– Давай, брат, мне пора, – наскоро попрощался Саша с панком.

– Чао, не теряйся! – махнул рукой Жругр.

Сделав несколько шагов, Саша обернулся, чтобы бросить последний взгляд на своего нового знакомого, но на лавке уже никого не было.

О тайной комнате и непредсказуемом женском характере

Саша заметил Алину около плетеной решетки Михайловского сада. Она была неотразима: модная, по сезону, косуха легко облегала девичьи плечи, черные колготки вкупе с гофрированной розовой юбочкой подчеркивали стройные ноги, длинная челка нависала над изумрудными глазами. Вытянув шею, девушка разглядывала прохожих, даже подпрыгивая от возбуждения молодого организма, наконец ощутившего животворящие лучи солнца. Он остановился перед ней, чмокнул в губы: – Привет! Я соскучился!

– О, Саша! – прижалась тонким станом, – Я тоже!

«Кажется простила!» – обрадовался парень.

Саша достал из рюкзака еще прохладную черно-красную жестянку с огненным энергетиком и дыхнул смесью спирта с таурином: – Будешь?

– Ты пьян? – лоб Алины пересекла тревожная линия, брови в недоумении поползли вверх.

– Разве что слегка! – улыбнулся Саша. – Весны ради!

Она нерешительно потопталась на месте, затем отстранилась, попятилась, и произнеся «Прости, мне нужно идти!», резко пошла прочь. Онемевший от удивления Саша так и остался стоять с протянутой рукой, разверстыми глазами наблюдая ее стремительно удаляющуюся фигуру. Присев на поребрик, он в ступоре уставился в землю. Мимо при полном наряде с важным видом прогуливались Петр Первый и Екатерина Вторая, перебрасываясь редкими фразами:

– В жопу этих гребаных туристов, – ругался Петр I, – ни один турист херов не хочет фотографироваться!

– Не надо их так, они наши деньги! Хотя в доле истины тебе не откажешь: деньги какие-то мелкие! – отвечала Екатерина, аристократично покачивая веером.

«Какая муха ее укусила? – недоумевал Саша, все еще держа в руке непочатую банку «Ягуара», – так радостно меня встретила, и на тебе!»

Саша открыл жестянку и выпил пару глотков, но захмелеть больше не получалось – всю пьянь как дождем смыло. Слегка поразмыслив, Саша достал смарт.

«Ты где?» – набрал он смс.

«На Конюшенной», – пришел ответ.

«Где именно?»

«Найди меня :-)»

«А если не найду?»

«Значит, не судьба!»

– Она играет со мной, как с котенком! – возмутился Саша. – Что ж, подыграю ей! Если не встретимся – не буду ей больше ни писать, ни звонить, ебись оно конем! А если.. значит судьба?

Оставалось положиться на провидение – ведь и правда, по нераскрытому закону мироздания самые важные, самые нужные человеку вещи происходят случайно, не «нами», а «с нами», в то время как тщательно подготавливаемое и планируемое зачастую оборачивается унылыми фекалиями. Жизнь указывает, мордой тычет, как нашкодившего кота в свежие ссаки – не дергайся, человече, положись на меня, все равно твои планы, чаяния и надежды и отчаяния суть пустота и суета сует. Аннушка, трамвай, масло.

– Японский городовой, как же задолбали эти дети Орды! – в сердцах воскликнул Петр Алексеевич, только покинутый организованной группой узкоглазых в тридцать душ. – При мне такого безобразия не было!

– Да, «задолбали» – не то слово, болванчики фарфоровые! – вежливо вторила ему Екатерина Алексеевна.

Саша встал. Перешел мост. Оставив за собой глянцевые рестораны и сувенирные ларьки Конюшенной площади он вышел к набережной Мойке. Несмотря на стоящее в зените солнце, там было удивительно малолюдно. Лишь двое подвыпивших англичан пели Стинга стоя на Большом Конюшенном мосту, набивая ритм на самодельном маракасе. «I am an Englishman in New-York..» – летело над городом. Алины нигде не было. Саша вернулся назад и по Большой Конюшенной направился к Невскому, разглядывая по дороге веранды многочисленных летних кафе и баров. Здесь люди кучковались, как семечки в арбузе: они болтали, курили, пили кофе, доедали свой сандвич с ветчиной и гуакамоле, искали что-то в свои планшетах, обнимались и радовались солнцу, но Алины среди них не было. Саша дошел до Невского, и миновав очередной суши-бар, свернул на Малую Конюшенную улицу. Подняв голову, он внезапно увидел Алину – полностью голая, с торчащими грудями и рыжими локонами, она сидела, прислонившись к решетке балкона третьего этажа над «Бета-банком». Снизу на нее уже пялились несколько зевак. «В таком виде? В таком месте?» – успел удивиться Саша, прежде чем распознал в девушке удачно пристроенный манекен. Дойдя до конца улицы, он растерянно вернулся назад, к каналу Грибоедова.

– Вот, кажется, и все, – выдохнул Саша разочарованно. Пожав плечами, он с размаху запустил пустой жестянкой в мусорку, но промазал – та со звоном отскочила на тротуар. Дойдя до речки, он нырнул в узкий проход, вымощенный массивными нетесанными валунами. Ход этот не пользовался популярностью у туристов, разве что у местных нариков, регулярно пулявших там мульку, оставляя за собой баяны и юзаные презики. Там редко можно было встретить прохожих, а Сашина душа алкала одиночества. По правую сторону от него, за кованой решеткой, бликами искрилась на солнце Мойка, а с другой стороны, за забором из профнастила и строительными лесами виднелось продолговатое приземистое здание петровских императорских конюшен с арками старинной каменной кладки. Когда-то в этом здании жили кони: лифляндские клепперы и арабские скакуны, пегие и в яблоках – Петр I любил лошадей. «А может там до сих пор живет последняя императорская кляча, чудом дожившая до наших времен?» – вообразил Саша и тут же услышал одинокое ржание, словно в подтверждение своих фантазий. «Свят-свят», – перекрестился он и для надежности нагнулся, чтобы трижды постучать по балке с гвоздями, валявшейся на пути. Склонившись, он обратил внимание на дыру в ограждении, пробитую не то загулявшей молодежью в поисках уединения, не то торчками в поисках клада. В Саше взыграло любопытство. Он осторожно заглянул внутрь – там валялись разбитые бутылки, пивные банки, усохшие клочки туалетной бумаги и прочий сор. По тонкому слою извести и битого камня к строению вела еле заметная тропинка. Скрючившись в три погибели, Саша пролез в отверстие. Осторожно ступая, чтобы не напороться на битое стекло, он дошел до широких каменных ступеней, ведущих в подвал. Внизу дорогу ему перегородила иссохшая от времени, низкая дубовая дверь, крест-накрест перечеркнутая ржавыми коваными балками. В верхней части двери была пробита небольшая форточка, вероятно, служившая глазком, а теперь наглухо заколоченная ставнями. Саша толкнул дверь, та со скрипом отворилась. Низко пригнувшись, он зашел в помещение: его взгляду открылась миниатюрная келья, похожая на монашескую или на одну из тех «тайных комнат», что использовались в средневековых крепостях для подслушивания осаждающего неприятеля. Стены келейки из неотесанного камня отдавали влагой и плесенью. В каменных нишах по бокам размещались небольшие иконки, под ними мерцали зажженные свечи, валялась пачка крекеров, а в дальнем углу на большом, ярко красном пуфе, среди блесток и конфетти, сидела рыжая Алина в ярко розовом ажуре и улыбалась.

– Явился не запылился! – весело воскликнула она.

– Господи, Алина, что ты тут делаешь? – Сашиному изумлению не было предела.

– Тебя жду.

– Как ты тут оказалась?

– Это моя тайная комната, мой маленький секрет!

– А почему ты убежала?

– Мне надо было тебя проверить. Не найдешь – значит не мой, чужой человек. А если найдешь – значит суженный! – она просияла и хитрой лисой подмигнула Саше, – А еще я очень не люблю пьяных… Но раз ты меня нашел, ты вероятно успел протрезветь!

И точно, весь хмель как в трубу вылетел. Саша ощущал себя чистым как стеклышко. Впрочем, недолго. Нега и томление другого рода овладевали молодым человеком, будоражили кровь. От алтарей исходила нечеловеческая энергия. Воздух в комнате был пропитан эфиром, как будто шаловливые эльфы-проказники расплескали феромоны или разбили запечатанную колбу с волшебным афродизиаком.

– Алина… – ласково произнес Саша, присаживаясь рядом с девушкой. Она обняла его и вложила в его большую шершавую ладонь свою маленькую ладошку с тонкими пальчиками. Их персты переплелись, и Саша вновь почувствовал неземную нежность, источаемую порами ее тела. Она проникала сквозь кожу. Струящаяся, выплескивающаяся, слепящая женственность передавалась молодому человеку через сомкнутые пальцы. Губы встретились, языки схлестнулись. Сашу охватило сильнейшее возбуждение. Член стоял, как кол. С решимостью зверя навалился он на девушку и резким движением вошел внутрь. Та, почувствовав в себе мужскую плоть, застонала, заерзала, запрокинула голову. Обняв его за спину, она раскинула чресла и приняла, соединяясь с мужчиной в единый сопящий хрипящий и истекающий жидкостями организм, чувствуя, как темп нарастает, а пульс ускоряется. Все закончилось единовременным сокрушительным оргазмом, когда он, разбрызгивая семя, похоронил ее под собой, рыча как медведь на случке. Еще несколько минут они кожей впитывали друг друга. Саша по-богатырски прижимал к груди возлюбленную, его глаза набухли, диафрагма ходила ходуном, а девушка пряталась под ним тихо, как мышь. Наконец он встал и огляделся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.